

ПОѢЗДКА НА КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО.

(Путевые негативы).

Все то же озеро, что и въ года былые,—
 Но гдѣ дремучіе, старинные лѣса?
 Почили въ Господѣ подвижники святые,
 Творившіе въ пустыняхъ чудеса,
 Но слава ихъ жива, и чтутся въ мірѣ нынѣ—
 Скорбѣвшіе за всѣхъ своею душой въ пустынѣ.
 К.

I.

Переѣзна погоды. — Холодное утро. — Пароходъ «Кубина». — Часовня на берегу
 р. Вологды. — Съ пароходной палубы.

ОГОДА быстро измѣнилась. Еще 22-го мая было тепло, и на старинномъ вологодскомъ бульварѣ дамы гуляли въ однихъ платьяхъ, а мужчины въ легкихъ пиджакахъ. Прошелъ всего день, и вдругъ потянуло холодкомъ. Пролился крупный дождь и подулъ сѣверный вѣтеръ. Такая переѣзна погоды не благоприятствовала поѣздкѣ по озеру, но я рѣшилъ непреѣнно ѣхать въ Каменный монастырь, куда собирался два года подрядъ и какъ-то все не

могъ попасть. Если выжидать тепла, можно опять не собраться: кто знаетъ, когда погода измѣнится къ лучшему, а тутъ дѣла требуютъ въ Москву, и опять откладывая поѣздку до будущаго лѣта. Нѣтъ, если ѣхать—такъ ѣхать во что бы ни стало.

Мнѣ подали въ номеръ самоваръ.

— Разбудите меня завтра въ семь часовъ, — сказалъ я лакею.

— Хотя бы и «погодило»?

— Все равно.

Лакей разбудил меня на другой день съ нѣмецкой точностью.

— Какая погода?—спросилъ я.

— Холодновато и похоже, что будетъ дождь.

Я быстро одѣлся, умылся, напился чаю и въ восемь часовъ отправился на пристань. Утро стояло дѣйствительно холодное. Сѣрое небо грозило дождемъ. Въ демисезонномъ пальто и въ плащѣ мнѣ было только въ пору.

— Того и гляди, дождь будетъ, а ты безъ «верха» и безъ фартука,—замѣтилъ я извозчику.

— Здѣсь на рѣдкость, если у кого «верхъ», потому зачѣмъ? Полиція не понуждаетъ. А «фартухъ» у меня есть.

— Гдѣ же?

— А это-то.

Онъ указалъ на свои ноги.

— Да я не про то говорю... Сѣдоку надо закрыться.

— У насъ этого не заведено...

У пристани толпился народъ, слышался крикъ. Это «ломовики» разговаривали на своемъ языкѣ.

Пассажиры съѣзжались. Рабочій съ парохода взялъ мой чемоданчикъ.

«Кубина» — маленькій пароходъ, окрашенный въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Она—того же типа, что и пароходы, ходившіе прежде по Волхову, но съ большими удобствами: на ней есть рубка для перваго класса, помѣщающаяся на носовой части. Рубка — маленькая комнатка со столомъ посрединѣ. По винтообразной лѣстницѣ вы спускаетесь изъ рубки въ каюты перваго класса. Налѣво — общая мужская, направо — дамская, а прямо съ лѣстницы — отдѣльная, скорѣе похожая на чуланъ, чѣмъ на каюту. Мужское отдѣленіе — самое просторное. Здѣсь два стола и диваны вокругъ стѣнъ. Диваны раздѣлены перегородками, обозначающими число мѣстъ. Каюты низки, и въ нихъ душно.

Я замѣтилъ это рабочему, внесшему мой чемоданъ въ мужское отдѣленіе.

— Въ рубкѣ сидѣть можно,—сказалъ онъ.—Да какъ отчалить — духоты и не будетъ, особливо если окошечко открыть.

Давило на голову. Открыть окно было неудобно: вѣтеръ холодной струей врывается въ узкія отверстія, да и тянуло съ воды пронизывающей сыростью.

— Не великъ пароходъ!

— А больше и нельзя. Спадеть вода, и этому ходить трудно,—отвѣтилъ рабочій.

Я поднялся на палубу.

Старикъ-крестьянинъ усердно молился, обратившись лицомъ къ часовнѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани. Я также благоговѣнно перекрестился, припоминая великаго печальника земли Русской, св. митрополита Филиппа.

Часовня служить памятникомъ далекаго историческаго событія—перенесенія въ 1594 году черезъ Вологду въ Соловецкій монастырь мощей угодника, почивавшаго въ Отрочевомъ монастырѣ.

Фрязиново.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня, были останавливаемы для народнаго поклоненія мощи святителя, передъ перенесеніемъ ихъ на корабль.

Когда старикъ кончилъ молиться, я подошелъ къ нему. Мнѣ хотѣлось узнать, извѣстно ли ему, по какому поводу построена часовня. Я задать вопросъ.

— А что это за часовня, дѣдушка?

— Часовня-то?

Онъ поглядѣлъ на меня слезящимися глазами и произнесъ:

— А чтобы Богу молиться передъ уплытіемъ... вотъ и часовня для чего.

Онъ не зналъ правды. Это немудрено. Но правды не знаетъ и большинство «просвѣщенныхъ» вологжанъ. Если мужикъ отвѣтитъ вамъ «ни къ чему», вы ему извините его «нелюбопытство». Но если «ни къ чему» и грамотному горожанину, то дѣло выглядеть иначе, то уже «россійское нелюбопытство» — некрасиво. Быть можетъ, однако, если бы въ дни, когда церковь чествуетъ память великаго святителя, служились молебны въ часовнѣ, вологжане знали бы, почему она построена.

Видъ рѣки съ парохода очень красивый. Рѣка здѣсь довольно широка. За нашей пристанью и впереди нея—другія пристани. Военный пароходъ «Николай» гораздо больше «Кубины» и выглядит наряднымъ. Множество барокъ и лодокъ. По обоимъ берегамъ тянутся постройки. На правомъ берегу, у котораго стоитъ «Кубина», среди хорошенькихъ домиковъ выдѣляется темнымъ пятномъ высокое необитаемое зданіе съ выбитыми стеклами. На углу, у Краснаго моста, расположенъ каменный корпусъ реальнаго училища. На лѣвомъ берегу изъ-за построекъ виднѣется церковь Николая Чудотворца во Владычной, въ видѣ неровной ленты тянется Фрязиновская набережная съ церковью Преображенія въ концѣ.

Раздался свистокъ.

— Скорѣе, скорѣе нагружайте! — послышался властный хозяйскій голосъ.

До отхода оставалась всего четверть часа.

II.

Панорама Вологды.— Село Турундаево.— Покойный А. В. Сорокинъ и его шалашъ.— Въ рубѣ.— Пассажиры.— Въ ожиданіи хорошей воды.

Послѣ третьяго свистка сбросили трапъ, заработала машина, и, незамѣтно отдѣлившись отъ берега, мы поплыли внизъ по р. Вологдѣ. Побѣжали мимо насъ назадъ береговья строенія, и постепенно развертывалась картина. На Пречистенской набережной (справа) за первымъ рядомъ построекъ поднялся другой, болѣе лучший, въ перемежку съ купами зелени, съ храмами,— фонъ сдѣлался красивѣе самой картины. Онъ развертывался все шире и шире... Мы какъ бы объѣзжали городъ вокругъ и смотрѣли на него снизу вверхъ; передъ нами быстро мелькали его улицы, смѣнялись площади. Самой красивой частью панорамы надо признать ту, когда вдругъ открывается видъ на Спасскій соборъ со Спасской улицей, окан-

чивающейся у площади громаднымъ лиловатымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщается лучшая гостиница «Золотой Якорь» и окружающей судъ.

— Какъ чудесно! — вырвалось невольное восклицаніе у какой-то дамы, державшей на рукахъ болонку.

Но краски начали тускнѣть, городъ кончался, промелькнула его панорама, и по берегу потянулся рядъ стѣрыхъ невзрачныхъ домишекъ. Силуэты ихъ долго мелькали передъ глазами, прерываясь громоздкими постройками не то заводовъ, не то амбаровъ. Это скучное однообразие картины скрасили только двѣ вѣтряныя мельницы на холмѣ. Ихъ воздушная стройка пріятно выдѣлялась среди тяжелыхъ приземистыхъ сосѣднихъ зданій.

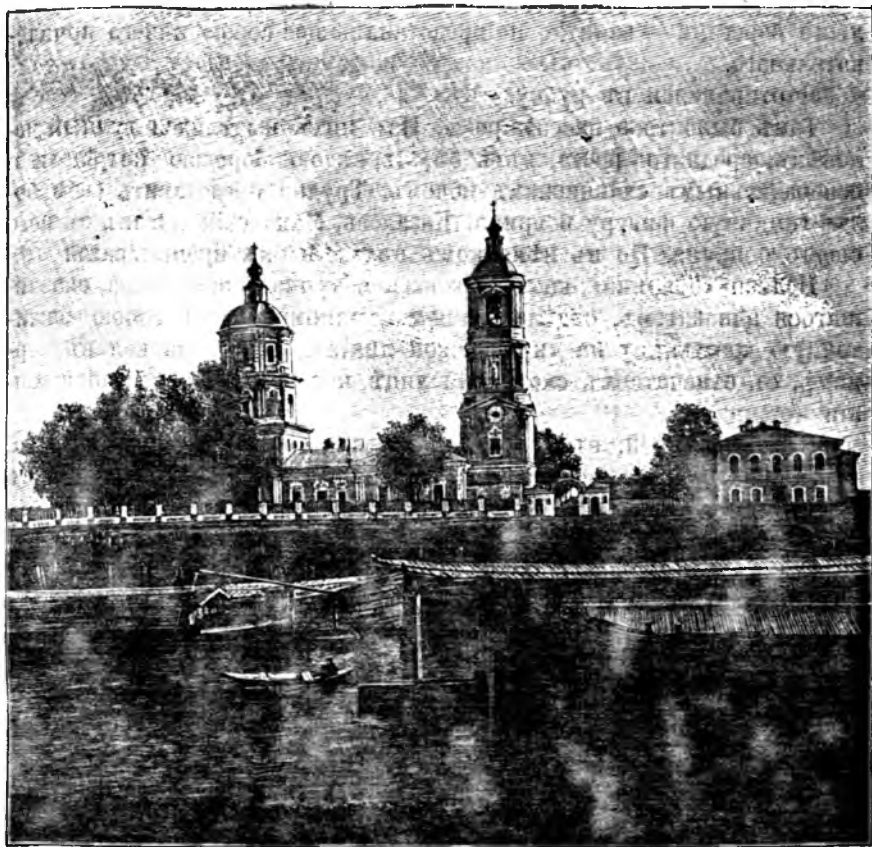
Показалась желѣзнодорожная вѣтка, устроенная специально для перевозки хлѣбныхъ грузовъ. На берегу стоитъ обширный сарай, почти до верху наполненный мѣшками съ мукой. Когда мы проѣзжали, на рельсовомъ пути пыхтѣлъ паровозъ. Но всѣмъ направленіямъ копонились люди.

Вѣтка подходитъ къ селу Турундаеву, состоящему изъ ряда стѣрыхъ домиковъ и украшенному красивой церковью. Въ самомъ селѣ обращаетъ на себя вниманіе большой каменный домъ съ роскошнымъ садомъ. Это — бывшее палаццо извѣстнаго комерсанта, Александра Васильевича Сорокина, гремѣвшаго въ Вологдѣ и хорошо извѣстнаго въ промышленномъ мірѣ обѣихъ столицъ. Покойный Сорокинъ — типъ «русскаго американца», какъ выразился (покойный же) вологодскій статистикъ, писатель Ф. А. Арсеньевъ. Сорокинъ всѣмъ состояніемъ былъ обязанъ исключительно себѣ, и не только своимъ выдающимся природнымъ способностямъ, но и своему трудолюбію. Обладая недюжиннымъ умомъ, желѣзной волей, громадной энергіей, смѣлый и предпринимчивый, онъ сумѣлъ изъ простаго бѣднаго крестьянина сдѣлаться купцомъ, добился званія городского головы, смѣнивъ армякъ на вышитый золотомъ мундиръ, и изъ обладателя курной избы превратился во владѣльца роскошнаго палаццо и чуть ли не сотни каменныхъ и деревянныхъ домовъ въ Вологдѣ. Нѣкоторое время это былъ — самый видный человѣкъ въ городѣ. Незадолго до смерти дѣла Сорокина пошатнулись, но онъ съ мужествомъ перенесъ свое «крушеніе».

Сорокинъ не получилъ никакого образованія, но поражалъ цѣлостностью міровоззрѣнія, ясностью взглядовъ, логичностью разсужденій и широкимъ пониманіемъ жизни. Онъ много читалъ и интересовался литературой. Я никогда не забуду одного разговора съ нимъ. Я былъ тогда восемнадцатилѣтнимъ юношей. Прочитавъ мой очеркъ въ «Искрѣ» («Роковое слово»), Сорокинъ замѣтилъ:

- Довольно зло, молодой человѣкъ. А вы служить не думаете?
- Нѣтъ.
- Хотите быть писателемъ?

- Хочу.
- Но вѣдь это тоже служба, и болѣе тяжелая... Это — подвигъ.
- Я бы не могъ быть писателемъ и при талантѣ.
- Отчего?
- Люблю жизнь. Быть подвижникомъ трудно, а иначе и нельзя: честный писатель — подвижникъ,

Турундаево.

Такъ понимать службу писателя въ пору и самому образованному человѣку.

Съ грустью я смотрѣлъ на бывшее палаццо «русскаго американца». Вспомнились мнѣ далекіе годы, юныя мечты... Въ этомъ громадномъ роскошномъ саду я и отдыхалъ не разъ послѣ работы и дѣлился пылкими надеждами и планами съ товарищами. Мы часто изъ города на лодкѣ пріѣзжали въ Турундаево шумной компаніей.

Въ настоящее время Сорокинскій палаццо принадлежит купцу Пермякову.

За Турундаевымъ берега пошли совершенно ровные, низменные, мѣстами поросшіе лишь кустарникомъ. Изрѣдка встрѣчался чахлый, жалкій лѣсокъ. Вологодскій уѣздъ вообще быстро обезлѣсивается.

«Кубина» шла мѣрно, безъ толчковъ и встряхиваній.

Сквозь тучи блеснуло солнышко. Но только блеснуло. Тучи побѣдили его. Вѣтеръ крѣпчалъ. Любоваться однообразными унылыми берегами — занятіе, не представляющее собою ничего привлекательнаго.

Я отправился въ рубку.

Тамъ было трое пассажировъ. Изъ нихъ выдѣлялся тучный человекъ, средняго роста, лѣтъ 55, съ сѣдою бородою патріарха и основательнымъ славянскимъ носомъ. Трудно представить себѣ болѣе типичную фигуру боярина. Казалось, Маковский писалъ съ него своего боярина. Но въ нѣмецкомъ пиджакѣ онъ проигрывалъ.

Вблизи «боярина», какъ прозвалъ я тучнаго пассажира, оказавшагося адвокатомъ, сидѣла женщина, напоминавшая собою зажиточную крестьянку на «купеческой линіи». Она была вся въ черномъ, съ отпечаткомъ скорби на лицѣ, которое все испестрили тонкія морщинки.

Рядомъ съ ней, въ уголку, помѣстилась миловидная дѣвушка, углубившаяся въ чтеніе «Нивы». Дѣвушка курила, не уступая въ этомъ адвокату, который первый заговорилъ со мною.

— Если не ошибаюсь...

Онъ назвалъ мою фамилію.

— Да.

— Помолиться или освѣжиться?

— На Каменный.

— Стоять. И пристань устроена, удобно.

— Развѣ теперь пристань? Прежде на лодкахъ приходилось подѣзжать.

— Новый игуменъ устроилъ. Онъ хозяинъ и прекрасный человекъ.

— Недавно онъ настоятельствуетъ?

— Не особенно давно. Раньше былъ въ Прилудкомъ монастырѣ. Если бы «поученіе», могъ бы тамъ быть начальникомъ. Онъ и управлялъ за настоятеля.

— Не важнѣе ли учености жизнь монаха?

— Нуженъ престижъ учености... Архимандритъ тамъ нынѣ. Да и о. Павелъ могъ бы быть архимандритомъ... Ему прежній архіерей и предлагалъ. «Годы и долгіе годы монастырской жизни — та же наука», — говорилъ онъ. Оно и вѣрно. Но о. Павелъ скромный, не искатель почестей и уклонился, чтобы не возбудить зависти.

Въ рубку вошелъ молодой красивый еврей, лѣтъ 25, съ ител-

лигентнымъ выраженіемъ лица, одѣтый съ претензіей, даже въ бѣломъ галстукѣ и въ сѣромъ фетрѣ.

Молодой человѣкъ поздоровался съ адвокатомъ и спустился въ каюту.

— Кто это?—спросилъ я.

— Сынъ здѣшняго часового мастера. Свой хорошій часовой магазинъ.

Адвокатъ назвалъ фамилію.

— Нельзя подумать. И какъ хорошо говорить порусски.

— Онъ много читаетъ, совсѣмъ интеллигентный.

Я убѣдился въ справедливости этихъ словъ, когда молодой еврей поднялся въ рубку, и мы съ нимъ разговорились. Его интересовало все, что могло интересовать образованнаго человѣка. У него недурная библіотека, онъ выписываетъ нѣсколько журналовъ. Онъ любитъ книгу и не живетъ только интересами своего ремесла. Но онъ и не презираетъ ремесла, работаетъ и помогаетъ отцу въ магазинѣ. Торговля не мѣшаетъ ему жить умственной жизнью, а умственные интересы не захлеснули другихъ. Книга не сдѣлала его бѣлоручкой. Это пріятно и можно поставить на видъ русскому человѣку. Я не юдофилъ и не космополитъ. Но правда для меня всего дороже. Хорошее вездѣ хорошо. Возьмите нашего рабочаго. Въ будни за работой—онъ чумичка. Въ праздникъ, въ дни отдыха, онъ надѣнетъ новую рубаху, пиджакъ—и не отмоетъ, какъ слѣдуетъ, грязи отъ рукъ. А чѣмъ онъ развлекается? «Гуляетъ»! А нѣмецъ? Развѣ онъ такъ живетъ? Средства не причемъ. Возьмите достаточнаго торговца, ремесленника-хозяина. Онъ нарядится, на пальцахъ перстень, на золотой цѣпочкѣ—дорогіе часы, а все-таки это—«мужичокъ». Объ умственныхъ запросахъ нечего и говорить. «Помилуйте, когда книжку читать, нешто о такихъ пустякахъ думать время»! И дѣйствительно времени нѣтъ: въ будни работа, въ праздники «гулянье», т. е. водка и развлечения въ такомъ же трактирномъ духѣ.

— Это правда,—согласился адвокат.—Оттого и выходитъ изъ евреевъ, напримѣръ, столько талантовъ. Вѣдь ихъ у насъ не меньше, но мы ими не дорожимъ, не цѣнимъ. Нѣмецъ или еврей изъ послѣдняго, но дастъ сыну или дочери возможность развить талантъ. А мы? мы его загубимъ въ сапожной мастерской или въ лавкѣ. По-нашему все «вздоръ».

Да, я помню грустный фактъ. У русскаго портного сынъ проявилъ любовь къ живописи. Извѣстный художникъ, случайно увидѣвшій рисунки мальчика, долго убѣждалъ отца его, но тотъ остался непреклоненъ и въ рисовальную школу сына не отдалъ. «Пустяки—все, надо своимъ дѣломъ заниматься». Мальчика били за «пачкотню», рвали рисунки и лишили Россію, быть можетъ, недюжиннаго художника, подаривъ ей лишняго неважнаго портняжку.

Вдругъ раздалась пѣсня.

Какой-то худощавый блондинъ въ рубахѣ на выпускъ, но ~~нѣ~~
никакъ», сидя у борта, затянулъ теноркомъ:

Прощай, батюшка родной,
Не работничекъ я твой—
Я изъ трактира половой...
За работу батька билъ,
За гульбу гармонь купилъ.
Ты гармошка—матушка,
Лучше матки, батюшки!

— Вотъ она, русская-то современная пѣсня, куда пошла!—~~ска-~~
зываетъ адвокатъ.

Я хотѣлъ ему отвѣтить, но вдругъ парень вскинулъ кудрями и
ешель на веселую:

Возьму сотню,
Пойду въ Тотъму,
Дружка выкуплю назадъ,
Не кому не указать...
Возьмемъ двѣсти,
Пойдемъ вмѣстѣ,
Мы до Вологды дойдемъ,
Мы нигдѣ не пропадемъ,
Мы читать, писать умѣемъ,
Въ писаришки попадемъ!

- Еще лучше!

Мы вышли изъ рубки и подошли къ парню.

- Гдѣ ты выучилъ эти пѣсни?

- А въ трактирѣ. Я половымъ служу.

- Ёдешь домой?

- Домой... Отдохнуть...

- И тамъ будешь эти же пѣсни пѣть?

- Буду... А развѣ худа?

- Старыя лучше.

- Старыхъ мы не поемъ... Мы эти все... Онѣ смѣшнѣй, да и
губ!

- А «Не бѣлы снѣги» знаешь?

- Скушная это... А то вотъ, баринъ, недавно я списалъ пѣсню...
истая!..

- Какая?

- Спѣть?

- Ты такъ скажи... Прочитай.

Парень прочелъ:

Вотъ идетъ моя возлюбленная,
Топоромъ она разрубленная,
Топорищемъ развороченная,
Во три палочки колоченная!

— Ха, ха, ха!—залился парень...

— И глупая пѣсня!—сказалъ я.—Вѣдь въ ней смысла никакого нѣтъ!

— Э—э! Пѣсня—форсистая!..

— Вотъ она «сивилизація-то»!—произнесъ адвокатъ.—Подарокъ деревнѣ отъ фабрики, трактира...

Все это очень грустно. «Новая пѣсня» уже проникаетъ въ глушь, даже фабрикуется въ глуши.

Мы вернулись въ рубку.

— Давайте пить чай!—предложилъ я.

— Вотъ будетъ Сухона... Въ Вологдѣ вода мутна и плоха.

— А Сухона скоро?

— Черезъ четверть часа... Покажется домикъ на берегу, вотъ и Сухона...

Домикъ показался, но, благодаря извилистому теченію Вологды, мы нескоро подошли къ нему, одиноко стоявшему на мысу. Ни сада, ни лѣса вблизи. Здѣсь перевозъ и въ домикѣ живетъ содержатель перевоза, съ семьєю.

III.

По Сухонѣ-Рабангѣ.—Раздѣленіе Сухоны.—Теченіе вспять.—Лодки рыбаковъ и «скериковъ».—Чаепитіе въ каютѣ.—О лѣсныхъ дачахъ, русскихъ помѣщикахъ и вообще русскомъ человѣкѣ.—Какъ русскій человѣкъ понимаетъ свободу.

Нашъ пароходъ повернулъ влѣво и вошелъ въ Рабангскую Сухону. Сухона вытекаетъ изъ юго-восточной оконечности Кубенскаго озера, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Святолуцкой волости, и до впаденія рѣки Вологды называется Рабангской Сухоной или просто Рабангой. Далѣе Сухона на протяженіи верстъ 50, до впаденія рѣчки Двиницы, называется Сухоною, и затѣмъ на всемъ остальномъ своемъ протяженіи до сліянія съ Югомъ носитъ наименованіе Великой Сухоны. На обыденномъ языкѣ Сухону дѣлятъ на Рабангскую и Двинскую. Повернувъ влѣво, въ Рабангскую Сухону, мы оставили въ правой рукѣ Сухону Двинскую. Еще существуетъ такъ называемая Окольная Сухона, нѣкогда составлявшая большую излучину рѣки, имѣющую длины около 20 верстъ, а перешеекъ излучины 260 сажень. На этомъ разстояніи въ 1242 году былъ сдѣланъ, по приказу князя Глѣба Бѣлозерскаго, перекопъ, образующій нынѣ настоящее ложе Сухоны. На пароходѣ кто-то увѣрялъ меня, что перекопъ сдѣланъ Петромъ Великимъ. Здѣсь, кстати замѣтить, что многое, сдѣланное другими и въ разное время, приписывается Петру Первому. Мощная личность царя-работника, обращавшаго на

всякую мелочь свое вниманіе, въ народномъ представленіи заслоняла другихъ историческихъ дѣятелей.

Рабангская Сухона значительно ниже Вологды (отъ 50 до 60 сажень, тогда какъ Вологда максимумъ 45 сажень), и ея теченіе величавѣе. У Сухоны есть еще своя особенность: она не всегда течетъ изъ Кубенскаго озера, а иногда и обратно. Это бываетъ весною, въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ и происходитъ оттого, что рѣки Вологда, Лежа и нѣкоторыя другія, впадающія въ Сухону недалеко отъ ея истока, вскрываются раньше, чѣмъ притоки Кубенскаго озера, и, поднявшись отъ тающихъ снѣговъ на двѣ-три сажени надъ меженнымъ уровнемъ, подпираютъ теченіе Сухоны, и она «обращается вспять».

— А вотъ и коряки плывутъ,—промолвила пожилая пассажирка.

— Какіе коряки? — спросилъ я.

— Мужики съ корой.

Лодки были высоко нагружены корою. Края лодки чуть-чуть не касались воды. Обиліе ивыняка даетъ возможность крестьянамъ заработать «копейку». Этотъ промыселъ былъ бы очень выгоденъ, если бы не существовало «эксплуатаціи» со стороны скупщиковъ, да мужья не пропивали бы денегъ, полученныхъ за кору, содранную женами. У бабъ руки болятъ, съ рукъ кожа послѣзла отъ дранья ивы, а пьянчужка мужъ или отецъ продастъ, загуляетъ и пропьетъ денежки: часть-то уже обязательно, а случается и все деньги оставить въ кабачкѣ или трактирѣ. Конечно, не все пропьетъ, но найдутся «добрые люди» и оберутъ пьянаго.

Шныряли и рыбацкія лодки.

— Ушицы бы похлебать,—выразилъ желаніе адвокатъ, большой любитель рыбы.

— Можно заказать.

— Кухни на пароходѣ нѣтъ. Въ буфетѣ — водка, чай, да залежалая колбаса и, можетъ быть, варенныя яйца, и то не всегда. Если вы купите рыбу—уху сварятъ.

— Гдѣ же взять рыбы?

— Иногда рыбаки предлагаютъ. Однажды мы чудесную ушицу хлебали.

Сегодня рыбы не было, пришлось ограничиться чаемъ и булками. Мы заказали самоваръ, и намъ подали его въ общую какоту.

Мы сѣли за свободный столикъ. Два другіе уже занимали пассажиры, раньше насъ заказавшіе самовары. За столикомъ налѣво помѣщалась купеческая компанія, къ которой присоединился и часово́й мастеръ, а потомъ и женщина «крестьянскаго облика», но «на купеческой линіи». Барышня, читавшая «Ниву», сѣла неподалеку отъ насъ, примкнувъ къ нашему самовару.

Среди купцовъ шли разговоры о лѣсныхъ дачахъ. Упомянули

бывшее имѣніе моего дѣда. Это меня заинтересовало. Я спросилъ у одного изъ купцовъ объ имѣніи.

— Хорошее имѣніе-съ.

— Кто купилъ его?

— Да теперь ваше.

— Дешево, поди, купили?

— Совсѣмъ за пустяки. Сынъ торопился... Это, стало, вашъ дяденька?

— Да, дядя. Зачѣмъ же онъ продалъ дешево? Въ деньгахъ онъ не нуждался, кажется.

— Не знаемъ-съ... А торопили... Тогда вообще дешево продавали.

— Дали бы и дороже?

— Безпремѣнно. Придержи тогда вашъ дяденька—надбавили бы. Теперь эта дачка лѣсная—капиталецъ хорошенькій.

Собесѣдникъ дохлебнулъ чай съ блюдечка и прибавилъ:

— Не сидѣлось какъ-то господамъ на родномъ мѣстѣ... Все вонъ тянуло... Оттого и размотали имѣнья... И выкупныя и дачки... все протратили. А отъ этого только убытокъ.

— Себѣ же.

— И себѣ и вообще... Деревни запустили... все обрушилось. Роци какія богатые были, а гдѣ онѣ? Срубили все.

— И вы на срубъ купили?

— Да-съ... Намъ иначе къ чему же? Правду надо сказать,—признался купецъ:—на Руси у насъ это дѣло разорительно ведется... И знаемъ, какъ надо бы, а все постарому... потому барышъ бы взять!

— А лѣсовъ меньше стало.

— Обезлѣсивается губернія, что и говорить... Да развѣ только здѣсь? На Волгѣ то же самое... Отчего она и мелѣть-то, матушка.

— Послушайте, но вы могли бы иначе вести дѣло, если сами сознаете...

— Эхъ, сударь! Сознать сознаемъ, да привычка ужъ такая, ну, и жадность заѣла, такъ будемъ говорить прямо. Хочется поскорѣй взять съ барышемъ. А кто, впрочемъ, и держитъ.

— Купецъ съѣлъ барина,—сказалъ я.

— Не такъ выражаетесь. Не купецъ съѣлъ, а баринъ самъ себя съѣлъ...

— Самъ не самъ, а только въ ротъ лѣзь и просилъ: скушай!—сострилъ адвокатъ.

— А теперь плачутся!

— Локоть и близко, да не укусишь.

Купецъ торжествовалъ и откровенно высказывалъ правду. Ему уже нечего бояться.

— За границей иначе поставлено дѣло,—замѣтилъ кто-то изъ собесѣдней компаніи.

— Что за граница! Она не указъ,—отвѣтилъ одинъ изъ купцовъ.— Русскій человѣкъ любить свободу.

— Развѣ ея нѣтъ за границей?—сказалъ я.

— Какая тамъ свобода! Тамъ одно стѣсненіе!—пренебрежительно произнесъ купецъ.—Былъ мой пріятель въ Финляндіи... Ужъ какая это за граница, и не настоящая, а чухонская, такъ сказать, маргариновая за граница, а ужъ русской воли нѣту! Не смѣй выругаться, а по уху съѣздить и не думай! Въ Москвѣ пріятель мой съ ногъ до головы полового пивомъ облилъ и горчицей лысину вымазалъ—и ничего: двѣ красненькія, и дѣло въ шляпѣ. А тамъ онъ салфеткой смазалъ чухну и чуть въ кутузку не угодилъ. Какая же это воля, къ чорту!

— Да, такой свободы за границей меньше.

— Ужъ что говорить, русскій человѣкъ лучше другихъ!—сказалъ мой собесѣдникъ.

— Чѣмъ?

— Прямой, безъ хитрости.

— Да, но за нимъ смотри и смотри... А то сейчасъ подмишлетъ, обвѣситъ... «Заграница» потеряла всякое довѣріе къ русскому человѣку.

— Совершенно вѣрно,—подхватилъ пожилой человѣкъ, сидѣвшій въ углу и до сего времени молча слушавшій разговоры.—Если Русь отчего гибнетъ и погибнетъ, такъ отъ недобросовѣстности... Какое-то повальное надувательство. И что обидно: образование не спасаетъ и не улучшаетъ людей...

— Ну, это уже чересчуръ,—замѣтила дѣвушка.

— Нѣтъ-съ, сударыня: взгляните только въ жизнь. Мнѣ самому больно... Я вѣдь коренной русакъ, а стараюсь покупать у иностранца, заказывать иностранцу... Надежныѣ!..

Раздался свистокъ.

— Никакъ Рабанга?

— Да, это она,—отвѣтилъ мнѣ купецъ, владѣтель имѣнія моего дѣда.

Я допилъ чай и отправился наверхъ. За мной послѣдовали многіе изъ пассажировъ.

IV.

Село Рабанга.—Дилижансъ, дѣлающій рейсы до Кадникова.—Изъ бесѣды съ пассажиромъ въ казинетовомъ пиджакѣ.—Нареканія на строящуюся дорогу отъ Вологды до Архангельска.—Заводъ Соколова.—Карново.—Куда идутъ деньги рабочихъ.—Деревни на пути.—Лѣсопильный заводъ Бѣляева.—Въ погоню за городомъ.

Мы приближались къ селу. Какъ село—Рабанга невзрачна. Дома сѣрые, однообразной стройки, по большей части не онучейныя тесомъ, не выкрашенныя, безъ балкончиковъ. Вообще въ сельской

стройкѣ мало видно прогресса... Тонъ сѣрый, пейзажъ унылый. Настоящая сѣверная русская деревня. Только обиліе зелени да рѣка и придають красоту селу.

Пристани нѣтъ, мы причалили къ баркѣ.

На берегу стоялъ дилижансъ—линейка ужаснаго вида.

— Это куда?—спросилъ я у пассажира въ казинетовомъ пиджакѣ.

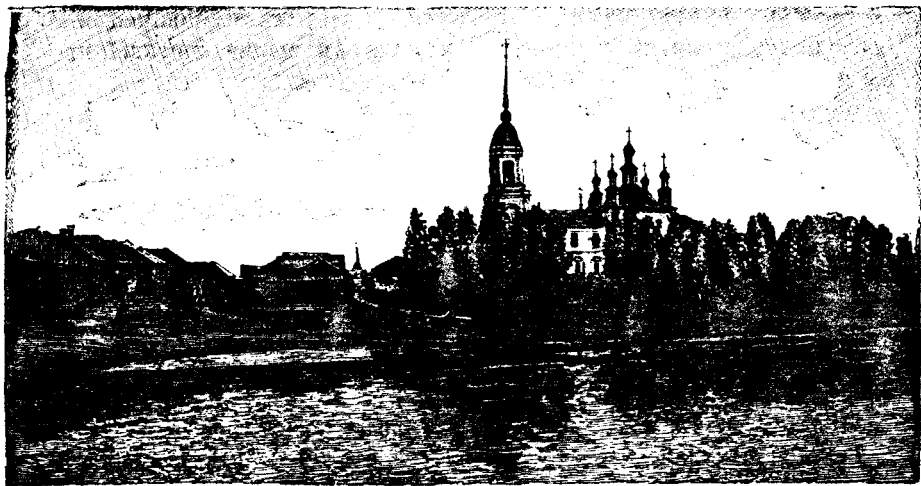
— На Кадниковъ.

— Далеко отсюда?

— Верстъ десять.

— Хорошая дорога?

— Кто какъ привыкъ. Если кто попрочнѣе, ничего-съ... А то бокамъ достанется.

Рабанга на Сухонѣ.

— Отчего поудобнѣе экипажа не заведутъ? Сколько же мѣстъ?

— Кажется, восемь.

— А куда же багажъ?

— Особливо много нельзя-съ... Подводу бери... Вы говорите, отчего получше нельзя экипажъ... Оно, извѣстно, можно... Да гдѣ же стойщику обдумать это, если и умнѣй которые, а тоже ничего подобнаго въ соображеніе не принимаютъ!

Незнакомецъ выражался витіевато.

— Вы это про что?—спросилъ я.

— А хотя бы на счетъ господъ инженеровъ... Дорога до Архангельска проводится... А Кадниковъ и другія жилыя селенія обойдены, въ сторонѣ, значить. По безлюднымъ пустынямъ, можно сказать, путь-то идетъ. Это для чего же-съ?

— Почва неудобная!..

— Да тамъ-съ еще хуже... А все-таки по худой-то землѣ и идетъ путь... Изволите видѣть: даже Семигородная пустынь обижена... Что вы скажете на это?

Отвѣтить не легко. Нареканій много на дорогу, т.-е. на ея строителей.

— Жаль, что дорога узкоколейная,—сказалъ кто-то.

Да, это жаль. Потомъ все равно придется ее мѣнять на широкую, какъ и вологодско-ярославскую. Говорятъ: пока нѣтъ моста черезъ Волгу — къ чему ширококолейная. Да пора давно и мостъ выстроить. Деньги найти можно. Вѣдь онѣ находятся на потребности менѣе важныя, даже совсѣмъ призрачныя и фантастическія.

— Какое невзрачное село,—замѣтилъ я, помолчавъ.

— Сѣро живутъ здѣшніе мужички,—отвѣтилъ незнакомецъ... — Далеко отъ столицъ, глушь. Ну, зато народъ проще, не такой прожженный...

— Бѣдны, должно быть?

— А гдѣ нонѣ богачи? Развѣ что кулаки... Деревня расползается.

— Какъ расползается?

— Да какъ платье по швамъ, такъ и она. Смотрѣть за нею некому.

— Мнѣ кажется, это невѣрно...

— Народу-то, зрителей то-есть — дѣйствительно немало. Да у семи нянекъ дитя безъ глазу... Особливо если дитя чужое, не свое... Что за корысть!

Я посмотрѣлъ на незнакомца и спросилъ его:

— Вы откуда?

— Дальній... Вотъ и поѣхали,—прибавилъ онъ, указывая на дилижансъ...

Лошади трусили, хотя ямщикъ и настегивалъ ихъ изъ всей силы.

— Гони не кнутомъ, а овсомъ, — промолвилъ незнакомецъ и направился въ третій классъ. На ходу онъ раскланялся съ однимъ изъ тѣхъ, съ которыми мы пили чай въ каютѣ.

— Кто это?—обратился я къ пассажиру.

— Изъ мужичковъ... только теперь къ мѣщанству приписанъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Да въ конторѣ въ Москвѣ, по части отправки грузовъ... Бдетъ къ домамъ, повидать родителейъ.

Мы стали отчаливать. Я не пошелъ въ каюту и остался на палубѣ. Вскорѣ за Рабангой показался заводъ Соколова съ пристанью. Живописное мѣстечко. Заводъ строится для выдѣлки бумаги изъ дерева. Такъ какъ для постройки завода негдѣ достать по близости кирпича, то онъ дѣлается на мѣстѣ. На берегу сложены штабели готоваго кирпича.

Почти сейчас же за Соколовским заводом—деревня Карпово, лежащая возлѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ Сухону.

Началась выгрузка бочекъ. Разъ, двѣ, три, четыре... восемь...

— Да съ чѣмъ же это? — спросилъ я у старика, стоявшаго на берегу.

— Съ водкой.

— Куда жэ столько?

— Нешто рабочихъ мало? Желѣзнодорожные, съ Соколовскаго завода опять... Сагиновъ знаетъ, что дѣлается.

— Кто такой Сагиновъ?

— А чья земля... Раньше Понгову принадлежала, а у него Сагиновъ за 5.000 купилъ... Кабакъ, стало, и торговля.

— Значить, что добудутъ рабочіе, все и пропьютъ?

— Ужэ это какъ есть!..

— Скверно.

— Не пей, коли не хочешь... А торговцу что за дѣло... Ему бы барышъ былъ...

«Деревня расплзается»,—вспомнились мнѣ слова мѣщанина. И никому нѣтъ до нея дѣла. Мужикъ пропиваетъ не только здоровье, но и совѣсть. Кому это больно? Кому дорого «чужое дитя»? Баринъ бѣжитъ изъ деревни, предпочитая землѣ службу, чиновникъ— всегда только чиновникъ. А Колупаевы, не друзья деревни. Это— хищники. Одна надежда на хорошую школу и церковь. И здѣсь большое «но». Хорошо жить на дачѣ, ни о чемъ не думая, ни на что не обращая вниманія. А жить въ деревнѣ, вникать въ ея условія, задумываться объ ея судьбѣ—невыносимая мука для того, кто любить родину, у кого въ груди бьется не индифферентное космополитическое сердце...

Двѣ вѣтряныя мельницы подошли почти къ самому мосту и словно застыли въ удивленіи. Мостъ воздушной стройки и очень красивъ.

— Этотъ и ползетъ?

— Да, если правду только говорятъ газеты, — отвѣтилъ адвокатъ.

— Ползъ,—поправилъ стоявшій невдалекѣ купецъ,—а теперь, слышно, укрѣпили...

— Дай Богъ!

— Сильна русская троица: «авось, небось и какънибудь!» Ее иновѣдуютъ не только мужички, а и всѣ мы...

— Это и плохо!

— На томъ и Русь стоитъ. «Земля на трехъ китахъ»... Если не вся, то Русская земля несомнѣнно на трехъ китахъ: авось, небось и какънибудь...

Мы прошли подъ мостомъ. Впереди виднѣлась деревенька Юнца, небольшая, но красивенькая... Мы плыли ровно, не торопясь, оста-

наливались довольно часто. Деревенъки попадались одна за другою. Вотъ Борокъ, Шатровово, Боктюга (въ сторонѣ), Клыжево и дер. Паротино, гдѣ лѣсопильный заводъ Бѣляева. Это—цѣлый городокъ, кипящій жизнью. Заводскія зданія—каменные, громадныя. Кругомъ масса заготовленнаго матеріала. На рѣкѣ тѣснота отъ барокъ и плотовъ.

На берегъ высыпали парни и дѣвки, работающіе въ заводѣ.

— Ишь, сколько ихъ, красавицъ! Покупай на гривну, пару дадутъ!—острилъ матросъ.

— Какъ здѣсь рабочая плата?—полюбопытствовалъ я.

— Дешевая... Работы иной нѣту. А дѣвкамъ деньгъ нужна...

— Почему дѣвкамъ? Тѣсть всѣмъ надо.

— Имъ нешто на хлѣбъ? Имъ на наряды... Избаловались нонѣ... Одѣваются, какъ городскія...

— Иная прочая даже курсетъ носить!

— Стегать бы ихъ!—сказалъ старый матросъ сердито.

— За что?

— А не балуйся!.. Въ избѣ-то стеклы нѣту, корова безъ корму, а то и коровы нѣтъ, а ей подавай наряды...

Вездѣ это горе. Потянулась деревня за городомъ, «да не въ ту сторону», по выраженію одного лейкинскаго героя. Именно «не въ ту».

Когда мы, отчаливъ отъ пристани, завернули за мысъ, адвокатъ сообщилъ мнѣ, что «скоро и шлюзъ».

— Значить и озеро?

— Да, отъ шлюза до озера всего восемь верстъ.

V.

«Знаменитый» шлюзъ. — Святая Лука и Шерра. — Кубенское озеро. — Опасность плаванія по озеру.—Изъ прошлаго.

Мы медленно приближались къ шлюзу. Ворота его уже были распахнуты. Пароходъ вошелъ, и мы очутились въ небольшомъ закрытомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ, облитые лучами показавшагося солнца. Сдѣлалось душно. Мы были словно взяты въ плѣнъ этими людьми, стоявшими по сторонамъ шлюза. Пылкая фантазія могла нарисовать что угодно. Глубокая тишина нарушалась только карканьемъ воронъ, гнѣзда которыхъ густо усылаи деревья бульвара по бокамъ шлюза. Сторожъ, имѣвшій видъ угрюмаго тюремщика, «поѣхалъ» на закрывавшихся воротахъ, стоя на придѣланномъ къ нимъ балкончикѣ. Онъ заперъ ворота, перешелъ на балкончикъ вторыхъ воротъ, отперъ ихъ и опять «поѣхалъ». Нашъ пароходъ занялъ почти всю камору.

Открылись ворота, и мы вышли на «вольную воду».

Село Кубенское.

Налѣво отъ насъ виднѣлась на устьѣ Сухоны плотина, преграждающая естественное теченіе рѣки. Шлюзъ, называющійся Знаменитымъ, и плотина устроены въ 1834 году съ цѣлью удержать воду озера на высокомъ горизонтѣ. Между тѣмъ, послѣ такого сооруженія вода въ Сухонѣ и въ озерѣ значительно упала противъ прежняго. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? По словамъ мѣстныхъ жителей, до построенія Знаменитаго шлюза вода уходила изъ озера и, подпираемая водами рѣкъ Вологды и Лежи, разливалась по дугамъ, оставляя на нихъ иль, и потомъ стекала чистою; теперь же она производитъ осадки на днѣ озера.

— Вѣрно ли это объясненіе?—спросилъ я у старика, жителя села Устье.

— Оно точно, пожалуй,—отвѣтилъ устьянецъ.—Но главная бѣда отъ безлѣсицы. Когда лѣса-то окружные были въ сохранности, снѣгъ въ нихъ таялъ исподоволь, и бѣжали въ озеро ручьи тихіе да притоки. А теперь и не то. Снѣга таютъ быстро, вода катится въ озеро бурно, отъ береговъ-то отмывается земля и заваливаетъ дно въ озерѣ. Надо бы беречь Божье добро разумно, а мы лѣса дремучіе измотали, вотъ и озеро страдаетъ изъ-за этого.

Шерра—сѣренькая деревенька, съ плохими домишками. Ея имя извѣстно, благодаря лѣсопильному заводу, стоящему возлѣ нея. Убогая деревянная часовенка, прилѣпившаяся къ двумъ домишкамъ, наводитъ на невеселыя думы? Бѣдны ли жители, или «имъ все равно»? Хотя бы заводъ пришелъ на помощь. Или и ему все равно, и часовня, построенная еще тогда, когда люди «кое-что помнили», скоро совсѣмъ разрушится? Герценъ, стоя передъ миланскимъ соборомъ и изумляясь тому, что столько денегъ ухлопано на постройку собора, пришелъ къ слѣдующему выводу: люди охотно жертвуютъ на то, что имъ совсѣмъ ненужно. А что нужно? Неужели то, что можетъ удержать деревню отъ «расползанія»,—лишнее въ жизни?

За Шеррой идетъ большая коса, далеко вдавшаяся въ воду; это—Святая Лука, на которой стоитъ церковь во имя евангелиста Луки. Около церкви церковный домъ, и больше никакихъ жилыхъ строеній. Храмъ стоитъ одиноко среди зелени. Село того же названія въ сторонѣ. Это мѣстечко Сухоны въ срединѣ жаркаго лѣта такъ пересыхаетъ, что по дну рѣки можно ѣхать въ телѣгѣ съ большимъ возомъ.

Мы приближаемся къ озеру. Здѣсь Сухона довольно широка, и глазъ не сразу замѣчаетъ, гдѣ граница, отдѣляющая ее отъ озера. Слѣва вдали виднѣется село Кубенское, широко разсѣвшееся и окутанное зеленью. Бѣлѣютъ храмы, вѣнчанные золотыми крестами. Издали живописное село кажется прелестнымъ уголкомъ. Въ моей памяти воскресаютъ далекіе юные годы, когда я гащивалъ въ этихъ мѣстахъ, катался по озеру.

Въ длину озеро 60 верстъ, а въ ширину отъ 5 до 10; оно имѣетъ продолговатое очертаніе и прилегаетъ западнымъ и южнымъ

берегами къ Вологодскому уѣзду, а сѣвернымъ къ Кадниковскому. Озеро окаймлено террасообразною возвышенностію, идущею отъ него на разстояніи 15 верстъ. Пространство между озеромъ и возвышенностію заливается весенней водою и называется на мѣстномъ языкѣ «поймою». Дно озера почти вездѣ песчаное, значительная его часть поросла разными водяными растеніями, осокою, кувшинниками и различными породами потамогентовъ, которые являются пищей и убѣжищемъ рыбному молодежнику.

«Кубенское озеро—не море, а плавать по немъ горе»,—говорятъ крестьяне. Дѣйствительно, плаваніе по озеру на судахъ сопряжено съ большою опасностію. Много жизней человѣческихъ погребено на днѣ маленькаго бурнаго озера. Плоскіе безлѣсные берега не препятствуютъ разгулу вѣтра, и бури на озерѣ частыя. Судамъ негдѣ укрыться отъ бурь. Дно узкаго фарватера усѣяно мелями, встрѣчаются каменные гряды. Не забыть мнѣ гибели рыбаковъ, которыхъ я зналъ лично. Это было много лѣтъ тому назадъ. Пять человѣкъ на маленькомъ баркасѣ отправились на озеро, чтобы свезти рыбу перекупщикамъ. Вѣтеръ дулъ попутный, и всѣ надѣялись, что благополучно возвратятся назадъ. Но вдругъ набѣжали тучи, взволновалось озеро, и во тьмѣ, охватившей окрестность, все сильнѣе и чаще стали раздаваться удары грома: яркая молнія, пронизывая тьму, лишь на мигъ освѣщала kloкочущее озеро и черное необъятное небо. Тицетно ждали рыбаки, что скоро утихнетъ: буря продолжалась съ тою же силою. Тяжело нагруженный баркасъ могъ легко потонуть, и было рѣшено пожертвовать для своего спасенія грузомъ. Жертва не принесла пользы. Лодку кидало и захлестывало. Рыбаки держались. Вдругъ что-то треснуло. Баркасъ попалъ на мель. Не прошло и минуты, какъ баркасъ уже лежалъ на боку. Два рыбака упали въ воду. Одинъ успѣлъ спастись, но другой потерялся во тьмѣ, и его унесла волна. Гроза не прекращалась. Дождь усиливался. Рыбаки кое-какъ держались за бортъ и мачту, на которой парусъ уже былъ сорванъ. Валы такъ и хлестали о баркасъ, такъ и набѣгали на него; картина—ужасная. Съ каждой минутой силы измѣняли рыбакамъ. Они съ отчаяніемъ глядѣли во тьму, прислушивались къ реву волнъ. Вдругъ раздался сильный раскатъ грома, рѣзнула молнія, и набѣжалъ валъ. Онъ захлестнулъ баркасъ и снесъ въ воду обезсиленныхъ рыбаковъ. Вѣтеръ заглушилъ крики несчастныхъ. Изъ всѣхъ спасся только одинъ, которому удалось болѣе получаса продержаться на водѣ, ухватившись за обломокъ мачты. Волна выкинула его на берегъ.

Этотъ случай—только одинъ изъ многихъ. Но повторяющіяся несчастія не ослабляютъ отваги въ людяхъ, и прибрежные жители пускаются въ озеро не только на карбасахъ и большихъ лодкахъ, но и на своихъ «лодчонкахъ», въ которыхъ мы съ вами побоимся ѣхать и по рѣкѣ въ вѣтряную погоду.

VI.

Рыболовные промыслы на озерѣ.

Нельзя обойти рыбныхъ промысловъ, которые служатъ большой доходной статьей для приозернаго населенія. Но я коснусь этого вратко, пользуясь, кромѣ своихъ юныхъ воспоминаній, и данными, почерпнутыми мною изъ мѣстныхъ источниковъ, заслуживающихъ полного довѣрія.

Озеро очень богато рыбою, благодаря благопріятнымъ условіямъ, къ числу которыхъ относится разнообразный характеръ выпадающихъ въ него рѣкъ.

Въ озерѣ водятся: окунь, ершъ, налимъ, сигъ, щука, сорога и—тѣмъ особенно славится озеро—нельма. Небольшая рыба этой породы, называемая нельмушкой, водится исключительно только въ Кубенскомъ озерѣ и нигдѣ болѣе. Не особенно давно, лѣтъ тридцать всего тому назадъ, стала попадаться стерлядь. По рассказамъ рыбаковъ разводу стерляди въ озерѣ помогъ случай. Однажды везли въ пловучемъ садкѣ въ Петербургъ двинскую стерлядь. Садокъ разбился, и послѣ этого стерлядь появилась въ озерѣ.

Ловъ рыбы производится артельно. Артель избираетъ себѣ хозяина, который распоряжается всѣми дѣлами артели: назначаетъ мѣсто и время лова, продаетъ пойманную рыбу и дѣлитъ деньги поровну между участниками предпріятія.

Когда озеро, вскрывшись ото льда, разольется по лугамъ и лѣсамъ сѣверо-восточнаго берега, и рыба пойдетъ метать икру въ затопленные мѣста, разставляются верши на расчищенныхъ дорожкахъ въ неводномъ лѣсу. Это—ловля по тропкамъ. Верши ставятся отверстіемъ противъ отверстія, на разстояніи сажень трехъ одна отъ другой, и соединяются сѣтчатою перегородкою, которая дѣлитъ отверстіе той или другой верши на двѣ равныя половины. Этимъ способомъ ловли, очень дешевымъ, занимаются даже и тѣ, которые въ другое время года не рыбачатъ. Ловятъ рыбу также вересчанками, которыя ставятся на неглубокихъ мѣстахъ озера. Вересчанки обтыкаются или обкладываются можжевельникомъ, для того чтобы скрыть сѣть и въ вѣрномъ предположеніи, что рыба охотно идетъ въ кучамъ вѣтвей; толпясь около вершъ, она попадаетъ внутрь верши-вересчанки черезъ воронкообразное горло, не выпускающее обратно своей добычи.

Ловятъ еще батальницами и, когда вода спадетъ, сѣтями, которыми ловятъ рыбу и въ зимнее время.

Къ Петрову дню (29 іюня) всякій ловъ прекращается, потому что крестьянъ отвлекаютъ отъ озера полевая работа. Съ Ильина дня (20 іюля) начинается ловъ молодого подроста, только что выведен-

наго весною. Въ дѣло идутъ мутники. Такъ какъ озеро мелко, то мутниками ловятъ не только около берега, но и на срединѣ озера. Ловцы отправляются на лодкѣ по двое, выбираютъ удобное мѣсто, бросаютъ якорь, выматываютъ мутникъ и тянутъ его, какъ неводъ, захватывая за одинъ разъ до пуда и болѣе мелкоты разныхъ породъ. Это страшно вредный способъ ловли, потому что уничтожаетъ массу рыбы, не успѣвшей еще подрости. Прежде ежегодно вылавливалось до милліона пудовъ мелкой рыбешки. Нынѣ, послѣ запрещенія ловить подростка, его добываютъ уже значительно меньше, потому что дѣло ведется осторожно и не такъ широко, какъ раньше.

— А все-таки ловятъ?—спрашивалъ я.

— Ловятъ.

— Развѣ не понимаютъ вреда?

— Ну, что тамъ еще будетъ, а теперь выгодно... Всякій сегоднѣшнимъ днемъ живетъ...

Мы не только въ одномъ этомъ случаѣ забываемъ о «завтрашнемъ днѣ».

Во время лова рыбаки живутъ на берегу, въ построенныхъ для этой цѣли избушкахъ. Это—рыбачьи станы. Избушки раскинуты на большое пространство и находятся близко одна къ другой. Въ каждой такой избушкѣ, вдоль всей стѣны, противоположной входу, устроена печь, вѣрнѣе—рядъ печей, раздѣленныхъ между собою перегородками. Въ вышину и ширину печь—около трехъ четвертей аршина, а въ глубину аршина два. Полъ печи покать къ устью. Передъ печами—платформа, на которую выгребаются уголья, послѣ того, какъ печи достаточно накалятся. Когда выгребутъ уголья изъ печей—ихъ заматываютъ, и кладутъ въ нихъ рыбешку, предварительно усыпавъ кирпичный «подъ» пескомъ для того, чтобы рыбешка не пригорѣла. Высохшую рыбешку складываютъ въ мѣшки и продаютъ на вѣсъ подъ именемъ суща. Изъ суща варятъ щи, супъ, его ѣдятъ съ квасомъ, жарятъ съ картофелемъ и лукомъ. Щи изъ суща—прекрасные, да и селянка—очень вкусная. Для бѣднаго люда—это незамѣнимое кушанье, благодаря своей питательности и относительной дешевизнѣ. Много суща идетъ на монастырскія трапезы и въ плотничьи артели.

Существуетъ еще лучшіе рыбы. Но это уже болѣе спортъ, и ему предаются любители. Лучать рыбу, т. е. бьютъ ее острогой, при поэтической обстановкѣ... Выѣзжаютъ на лодкѣ въ темную ночь, привинтивъ къ носу лодки лучильникъ (железную корзину, наполненную смольемъ), и ѣдутъ медленно, безъ плеска. Смолье горитъ, освѣщая путь, а острогарь—весь нимаіе—стоитъ и пристально смотреть въ воду, выжидая момента, чтобы вонзить острогу въ спящую рыбу.

Для истаго рыболова лученіе—настоящій праздникъ.

VII.

Въ озерѣ.—Картинки.—Устье.—Устьянская новелла.—Веселый звонъ.—У монастырской пристани.

«Кубина» медленно подвигалась впередъ, разсѣвая волны озера. Вода скрадываетъ разстояніе, и озеро кажется очень маленькимъ, въ видѣ широкой рѣки, потому что все время видны его берега.

Тихо сдѣлалось на озерѣ. Я стоялъ на палубѣ и любовался картинками. Словно точки, мелькали рыбацкія лодки; монастырскія главы ясно вырѣзывались на голубомъ небѣ. На горизонтѣ впереди вода сливалась съ небомъ. Виднѣвшіеся берега, покрытые зеленью, густо населены. То тамъ, то здѣсь — деревни, села съ церквами. Вотъ—Песочное, расположенное на холмѣ и видное, какъ на ладони. Ярко блестятъ кресты и главы на церквахъ. Мирная красота сельскаго пейзажа чаруетъ взоры и улаживаетъ душу... Чтобы не отравить этихъ минутъ, не надо думать объ оборотной сторонѣ медали, слѣдуетъ забыть о всѣхъ язвахъ сельской жизни, превращающихъ элегію въ драму и мѣшающихъ отдыху современнаго человѣка, бѣгущаго изъ города въ родныя веси.

— Будете чай пить еще?—крикнулъ мнѣ адвокатъ, проходя въ рубку.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я и остался на палубѣ.

Мнѣ не хотѣлось отвести глазъ отъ чуднаго ландшафта.

Монастырь какъ бы осѣлъ немного, но скоро начинаетъ возвышаться все болѣе и болѣе, и наконецъ кажется уже стоящимъ на небѣ. Стараясь объяснить эту иллюзію, я пришелъ къ заключенію, что она получается вслѣдствіе отраженія монастыря въ водѣ. Говорятъ, что во время ледохода монастырь кажется плывущимъ вмѣстѣ со льдомъ.

На правомъ берегу озера теряется въ зелени монастырь Александра Куштскаго (на рѣкѣ Куштѣ), находящійся подъ вѣдѣніемъ игумена Спасокаменнаго монастыря. За нимъ—Лысая гора и большое богатое село Устье, на правомъ берегу рѣки Кубины, входившее въ составъ Заозерскаго княжества. Говорятъ, что еще въ 30—40 годахъ видѣлись какія-то развалины древнихъ построекъ, гдѣ въ старину жили князья. Не могу сказать, сколько правды въ этихъ словахъ. Устье славится лѣсопильными заводами и издѣліями изъ рога. Это бойкій уголокъ Заозерья. Устьяне еще задолго до 19 февраля 1861 года хотѣли выкупиться, но сдѣлать имъ этого по разнымъ причинамъ не удалось, и они стали вольными, благодаря царю-освободителю.

— Вотъ тамъ и наше Устье родимое,—промолвилъ высокій шаптенъ, въ длинномъ сюртукѣ и въ характерномъ русскомъ картузѣ.

Вблизи, кромѣ меня, никого не было, и я отвѣтилъ, обращаясь къ устьянцу.

— Да, славный уголокъ!

— А вы изволили быть?

— Очень давно, еще учась въ гимназіи. Хочу снова завернуть.

— Стоить! Сельцо хоть куда... Дома какіе... Въ базарный день если—такъ стойно городу, совсѣмъ даже-съ, какъ въ городѣ...

— Ладно, расхваливай свое Пошехонье!—произнесъ купецъ, недовольный отсутствіемъ за границей «русской свободы».

— Почему Пошехонье?—обратился я съ вопросомъ къ подошедшему къ намъ человѣку «съ широкой натурой».

— Да вы читали о похожденіяхъ пошехонцевъ?

— Такъ что же?

— И устьянцы не умнѣй!

— Что вы: устьянецъ—человѣкъ смысленный, дѣльный.

— Вотъ, вотъ, вѣрно!—поддакнулъ радостно пассажиръ въ длиннополомъ сюртукѣ.

— Дѣльный? А знаете, какъ устьянецъ солдата за колдуна принялъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ! не выдумка, а истинная правда... всякъ знаетъ... Разсказать вамъ?

— Пожалуйста?

— Умора и только... Рубилъ, изволите видѣть, устьянецъ дрова въ лѣсу. Сидитъ на деревѣ, да на самомъ сучкѣ, и ну его подрубить. Идетъ мимо солдатъ, увидѣлъ и говоритъ: вѣдь ты, говоритъ, упадешь. Вотъ еще что выдумалъ, отчего упаду... не упаду! И рубить себѣ опять. Ну, подрубилъ, да вмѣстѣ съ сучкомъ и бухъ на землю. Ишь ты, чортъ, воскликнулъ мужикъ: вѣдь солдатъ-то узналъ, знать, онъ колдунъ. Постой, я его попытаю. Побѣждалъ устьянецъ за солдатомъ, догналъ его. «Служивый, а служивый!»—Что тебѣ?—«Угадай,—сколько у меня коровъ? угадаешь—обѣ твои!» Солдатъ улыбнулся и говоритъ—двѣ! Тутъ ужъ умница устьянецъ совсѣмъ изумился. Экій человѣкъ: все знаетъ! Надо отдать. Пошли до дому. «Ну, жена, давай коровъ». — Зачѣмъ?—«Солдату отдай»... Это за что ему?—«Да все знаетъ... уговоръ былъ такой». И разсказалъ женѣ. А та оказалась умнѣй мужа, и давай его ругать. Ха, ха, ха!.. Вотъ они какіе умницы!

— Все это сплетки, выдумки!—сказалъ устьянецъ обиженнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не выдумки, а правда!

Уже по возвращеніи изъ монастыря я натолкнулся на очерки Устья, принадлежащіе перу Н. О. Бунакова, и нашелъ въ его этюдѣ нѣсколько устьянскихъ бывальщинъ, въ числѣ которыхъ и вариантъ о солдатѣ-колдунѣ. Эти новеллы, конечно, нѣсколько не

свидѣтельствуешь о глупости устьянца, а характеризуютъ его, какъ остроумнаго юмориста, осмѣивающаго несообразительность, видящаго идеалъ въ смысленности и практичности.

Пароходъ нашъ приближался къ острову. Монастырь опять началъ опускаться въ воду, и затѣмъ вдругъ предсталъ взорамъ во всей своей красѣ. Островокъ такъ малъ, всѣ постройки расположены такъ близко къ водѣ, что онѣ кажутся стоящими на самомъ озерѣ, надъ которымъ островъ возвышается очень немного.

«Кубина» дѣлаетъ поворотъ къ монастырской пристани. Въ этотъ мигъ на монастырской колокольнѣ раздается веселый звонъ, которымъ всегда привѣтствуются прибывающіе богомольцы... Далеко несется по водѣ звонъ — веселый, радостный, радостно дѣлается на сердцѣ, и благоговѣнно осѣняешь себя крестнымъ знаменіемъ... А въ памяти встаютъ рассказы о далекихъ временахъ, когда этотъ островокъ былъ еще единственнымъ маякомъ православія въ краю, окутанномъ туманомъ языческаго лжеученія.

— О Господи!.. Угодничекъ Божій, Іосафъ Преподобный!.. шепчетъ старуха-богомолка, и глаза ея увлажняются слезами умиленія...

Свистокъ... Звонъ смолкъ. Мы подошли къ пристани.

А. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОѢЗДКА НА КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО¹⁾.

(Путевые негативы).

Все то же озеро, что и въ года было, —
 Но гдѣ дремучіе, старинные лѣса?
 Почили въ Господѣ подвижники святые,
 Творившіе въ пустыняхъ чудеса,
 Но слава ихъ жива, и чтутся въ мірѣ пинѣ —
 Скорбѣвшіе за всѣхъ своей душой въ пустынь.
 К.

VIII.

Основаніе Спасокаменнаго монастыря. — Кто жилъ на островѣ до прибытія Бѣлозерскаго князя. — Старцы-проповѣдники евангелія. — Осодоръ первый игумень. — Игумены: Діонисій, Евѣимій, Кассіанъ. — Св. Іосафъ спасокаменный чудотворецъ. — Пожары. — Обращеніе Спасокаменнаго монастыря въ Бѣлавинскую пустынь. — Упраздненіе монастыря. — Переименованіе пустыни и перенесеніе мощей.

ПАСОКАМЕННЫЙ монастырь — древнѣйшій изъ монастырей Вологодской губерніи ²⁾. Онъ основанъ около 1260 года бѣлозерскимъ княземъ, Глѣбомъ Васильковичемъ, родившимся въ 1236 году и получившимъ послѣ мученической смерти отца себѣ удѣлъ Бѣлозерскій, тогда какъ старшій братъ Борисъ наслѣдовалъ удѣлъ Ростовскій. «Еще по берегамъ Кубенскаго озера и его притокамъ шумѣли вѣковые лѣса, когда появились на озерѣ насады бѣлозерскаго князя, плывшаго въ Устюгъ. Поднявшеюся бурей княжескую флотилію прибило къ Каменному острову» ³⁾. Это случилось 6 августа. Между тѣмъ въ минуты опасности князь далъ обѣтъ:

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 664.

²⁾ Изъ сѣверныхъ монастырей древнѣе Спасокаменнаго только три: Троицкій Кайсаровъ, въ Вологдѣ, основанный около 1147 года пр. Герасимомъ, Троицкій Гледенскій близъ Устюга, основанный въ 1190 году, и Великоустюжскій Архангельскій, существовавшій уже въ 1216 году.

³⁾ Мерцаловъ, «Монастыри-колонизаторы».

гдѣ и въ какой день пристануть къ берегу, на томъ мѣстѣ соорудить церковь во имя празднуемаго святого въ тотъ день и устроить обитель.

Князь нашелъ островъ уже обитаемымъ. На немъ жили старцы, поставившіе себѣ задачею—обращать въ христіанство язычниковъ корельскаго и чудскаго племенъ, населявшихъ сѣверовосточный берегъ озера. Старцы «не имѣли даже церкви и совершали свои молитвы въ малой и бѣдной часовнѣ, стараясь не объ устройствѣ вещественнаго храма, а о томъ, чтобы имъ самимъ сдѣлаться живыми одушевленными храмами Св. Духа. Невзрачна и мала была ихъ часовня, часто не доставало въ ней и свѣчъ и ладона. Ни завыванія и свистъ бури не возмущали душевнаго спокойствія старцевъ, ни пѣнящіяся волны и страшныя громады льдовъ не охлаждали жара ихъ сердець» ¹⁾.

Исполняя обѣтъ, князь Глѣбъ воздвигъ деревянную церковь во имя Преображенія Господня, выстроилъ келіи для старцевъ и, снабдивъ въ послѣдствіи церковь всѣмъ необходимымъ, поставилъ начальникомъ обители старѣйшаго изъ старцевъ Θεодора. Монастырь сталъ именоваться Спасокаменнымъ и началъ процвѣтать, покровительствуемый князьями Бѣлозерскими и другими. Изъ числа настоятелей, слѣдовавшихъ за Θεодоромъ, прежде всего выдѣляется Святотгорецъ Діонисій, своей строгой жизнію привлечшій въ обитель много братіи. Во время его игуменства въ монастырѣ подвизались два свѣточа сѣвера: Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій. Въ 1418 году, по смерти архіепископа ростовскаго Григорія, на эту кафедру былъ возведенъ Діонисій Спасокаменскій, который, покинувъ пустынную обитель, поставилъ на мѣсто себя игуменомъ ученика своего Иларіона. При его преемникѣ Евѣиміи монастырь постигъ великій князь Василій Васильевичъ Темный. «Этотъ несчастный князь,—говоритъ Н. И. Суворовъ ²⁾,—въ 1446 году вѣроломно лишенный зрѣнія Дмитріемъ Шемякою, сосланный сперва въ Угличъ, а потомъ въ Вологду, пріѣзжалъ отсюда, въ 1447 году, со своей супругою Марією и дѣтьми на богомолье въ Спасокаменный монастырь и принесъ въ даръ обители двѣ иконы: чудотворную Спаса Еммануила, доставленную изъ Царьграда дѣду его Дмитрію Донскому, и икону Божіей Матери Одигитрій. Здѣсь онъ получилъ первую радостную вѣсть, что многіе князья и бояре собираются на помощь къ нему, желая возстановить его на великомъ княженіи. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, великій князь просилъ игумена Евѣимія помолиться о возвращеніи ему престола. Игуменъ съ братією отвѣчали: «Иди, государь, въ желаемый путь твой на великое княженіе, и Богъ устроить твое шествіе». Изъ Каменнаго

¹⁾ Свящ. І. Вѣржскій. «Преподобный Іоасафъ Каменскій».

²⁾ Н. И. Суворовъ. «Описаніе Спасокаменнаго монастыря».

монастыря великій князь отправился въ Тверь и, вскорѣ достигнувъ Москвы, утвердился на престолѣ княжескомъ. Великій князь въ благодарность Богу за полученную имъ въ Спасокаменномъ монастырѣ радостную вѣсть пожаловалъ обители богатое село Покровское. Княгиня Марія приписала ему монастырь св. Николая Чудотворца, а впоследствии еще пожаловала село Воздвиженское съ деревнями и угодьями» ¹⁾. Каменный островъ имѣлъ намѣреніе посѣтить и Іоаннъ Грозный, еще 15-ти лѣтнимъ юношей объѣзжая Кубенское Заозерье. Приѣхавъ въ село Устье, царь сказалъ, что плыветъ въ монастырь. Но поднялась ужасная буря. Переждавъ ее, онъ снова собрался на островокъ,—и снова поднялась буря. Іоаннъ Васильевичъ собирался нѣсколько разъ, и постоянно, какъ только онъ «налаживалъ» поѣздку въ монастырь — поднималась ужасная буря. Грозный уже впоследствии и не пытался ѣздить на Каменный островъ, а только посылалъ дары монастырю.

Въ игуменство Кассіана (который ранѣе жилъ въ Кириллоблужерскомъ монастырѣ, еще при самомъ преп. Кириллѣ) принялъ монашескій чинъ благовѣрный князь Іосафъ, въ мірѣ—Андрей Димитріевичъ, сынъ заозерскаго князя Димитрія Васильевича Меньшого. Князь Андрей остался послѣ смерти отпа груднымъ младенцемъ, а матери лишился въ отроческомъ возрастѣ. Юный Андрей и отъ природы всегда кроткій и молчаливый, осиротѣвъ сталъ еще болѣе задумчивъ и сдержанъ. Находя отраду и утѣшеніе только въ чтеніи священныхъ книгъ, онъ удалился общества и чувствовалъ отвращеніе къ мірской жизни. Несмотря на отговоры братьевъ, юноша отправился въ Спасокаменный монастырь, къ славившемуся строгою жизнію игумену Кассіану, и выразилъ желаніе постричься. Кассіанъ не сразу исполнилъ просьбу юноши. Но удивившись въ горячемъ желаніи его «служить Богу и ближнему и нести крестъ свой по слѣдамъ Господа», старецъ постригъ князя Андрея, назвавъ его Іосафомъ. Изъ Спасокаменской лѣтописи видно, что князь Андрей постриженъ двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ. Несмотря на столь ранній возрастъ, новый монахъ явился образцомъ для всей братіи. Проведя въ усиленныхъ подвигахъ пять лѣтъ, св. Іосафъ почилъ 10 сентября 1457 года. Его погребли въ деревянной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ. Скоро онъ прославился многими чудесами, и мощи его много лѣтъ были видимы для всѣхъ.

Монастырь нѣсколько разъ подвергался опустошительнымъ пожарамъ. Въ первый пожаръ, въ 1472 году, 3 сентября, выгорѣла вся обитель, пострадали и мощи св. Іосафа. Старецъ Мартиніанъ собралъ останки мощей, вложилъ ихъ въ ковчегъ и поставилъ подъ престолъ, а часть была задѣлана въ трипядный крестъ. Благода-

¹⁾ См. Ист. Росс. іер. IV ч., стр. 335 и слѣд.

ря усердію жителей и князей, монастырь скоро оправился отъ постигшаго его бѣдствія, и деревянныя постройки замѣнены каменными. Въ 1650 году, мощи были положены въ гробницу, а на нее возложенъ крестъ съ мощами же.

Черезъ 185 лѣтъ случился второй пожаръ. Въ архивѣ Вологодской консисторіи сохранилось документальное извѣстіе объ этомъ пожарѣ. Оно слѣдующаго содержанія: «Лѣта 7166 (1657) г. декабря въ 23 день били челомъ великому господину преосвященному Маркеллу, архіепископу вологодскому и великопермскому, Всемиловитаго Спаса Каменнаго монастыря келарь старецъ Θεодосей съ братією: судьбами божіими и за умноженіе де многихъ грѣховъ монастырь Всемиловитаго Спаса выгорѣлъ и церкви божіи и Божія милосердія образы погорѣли, и церковныя помосты обвалились, и своды каменные на тѣхъ церквахъ порушились, и колокола разлились, и всякія монастырскія службы со всякимъ монастырскимъ строеніемъ безъ остатку згорѣли; а тотъ де Спасской монастырь стоитъ Кубенсково озерѣ на острову и отъ того де каменнаго монастыря бревенной лѣсъ верстахъ въ сорокѣхъ и болши и того монастыря построить имъ стало нечѣмъ, что монастырская казна всякая до основанія погорѣла..... И мы, великій господинъ преосвященный Маркеллъ, ево келаря старца Θεодосея зъ братією пожаловали велѣли збирать въ домъ Всемиловитому Спасу на церковное и монастырское строеніе на Вологдѣ и въ вологодикомъ уѣздѣ и въ иныхъ городахъ и уѣздахъ и по ярмангамъ и по торжкамъ вездѣ безпенно».

Черезъ 12 лѣтъ монастырь вновь оправился и пришелъ въ цвѣтущее состояніе, что видно изъ описи монастыря, сдѣланной по указу святѣйшаго синода. Въ монастырѣ были три каменные церкви, и всѣ онѣ отличались полнымъ благоустройствомъ. Внутренность главнаго Спасопреображенскаго храма отличалась особымъ великолѣпіемъ и необыкновеннымъ множествомъ иконъ. «Преддѣлный иконостасъ этого храма пятиярусный, увѣнчанный рѣзными изображеніями херувимовъ и серафимовъ, весь снизу до верху блисталъ серебромъ и золотомъ. Въ этомъ иконостасѣ было до ста разной величины иконъ, и почти всѣ онѣ имѣли на себѣ золотые оклады, а на нѣкоторыхъ вѣнцахъ и цаты были украшены цвѣтными камнями и жемчугомъ. Любопытною для нашего времени принадлежностію этого иконостаса были многочисленныя привѣски, или «приклады» къ нѣкоторымъ иконамъ, не только къ мѣстнымъ, но и находившимся въ третьемъ ярусѣ, состоявшіе частію въ серебряныхъ чеканныхъ, а болѣе въ рѣзанныхъ изъ чернаго дерева, изъ черной и бѣлой кости и разноцвѣтнаго камня малыхъ иконахъ, панагіяхъ, крестахъ, складняхъ и гривнахъ». На колокольнѣ было 10 колоколовъ, изъ которыхъ благовѣстный вѣсилъ 107 пудовъ. Между колокольней и ризницей въ каменной палаткѣ помѣщались

«часы боевые съ перечасьемъ». Ризница отличалась также богатствомъ. Въ «книгохранительной» палатѣ было 364 книги, изъ нихъ 66 печатныя, а прочія письменныя; изъ этихъ 6 на «харатѣ» (на пергаментѣ). Число братій простиралось до 93. Въ отчинахъ монастыря считалось: 7 селъ, 4 сельца и 98 деревень, а въ нихъ 819 душъ обоого пола. Въ амбарахъ—масса хлѣба, въ конюшняхъ и хлѣвахъ 169 лошадей, 295 головъ крупнаго рогатаго и 316 мелкаго разнаго скота. Въ Вологдѣ монастырю принадлежали два подворья, а въ Тотмѣ двѣ солянныя варницы. Монастырь пользовался многочисленными льготами, напимѣръ, имѣлъ право безпошлинной покупки разныхъ предметовъ на 200 р., а также право безпошлиннаго провоза, покупки и продажи 6.000 п. соли, и сверхъ сего ему предоставлялись льготы: «ставиться въ Москвѣ къ отвѣту въ три опредѣленные срока въ году, не платить пошлыны за конское пятно, не давать пошлынь съ принадлежавшихъ монастырю въ Вологдѣ амбаровъ, лавокъ и съ посадскими людьми ни во что не тянуть».

Это было самое цвѣтущее время для Спасокаменнаго монастыря, который занималъ видное мѣсто въ средѣ монастырей на сѣверѣ. Такъ, въ Уложеніи Алексѣя Михайловича въ дѣйствицѣ монастырскихъ настоятелей архимандритъ Спасокаменскій поставленъ 30-мъ, выше всѣхъ вологодскихъ настоятелей ¹⁾.

Третій пожаръ въ 1774 году былъ самымъ тяжелымъ для монастыря въ томъ отношеніи, что послѣдовало его упраздненіе. Монахи переведены въ Вологду, въ Святодуховъ монастырь, куда перенесены церковная утварь и частицы мощей.

Двадцать шесть лѣтъ древнѣйшая обитель находилась въ полномъ запустѣніи. Ее возстановили, по ходатайству дворянства и купечества Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ, при Павлѣ I. Святѣйшій синодъ постановилъ: «Упраздненный Спасокаменный монастырь возстановить переведеніемъ въ него братія и имущества и причисленіемъ къ нему угодій Запчатной Бѣлавинской Богоявленской пустыни, съ наименованіемъ онаго уже не прежнимъ своимъ именемъ, а Бѣлавинскою Спасопреображенскою пустынею».

Обитель начала устраиваться и подниматься. Провидѣнію было угодно, чтобы она вновь получила свое старое наименованіе, подъ которымъ долгіе годы являлась маякомъ православія въ сѣверномъ Заозерьѣ. Въ 1892 г., по ходатайству настоятеля пустыни и окрестныхъ жителей, святѣйшій синодъ разрѣшилъ перенесеніе мощей св. Іосафа въ обитель, гдѣ онъ провелъ свою иноческую жизнь, и вмѣстѣ съ этимъ разрѣшеніемъ монастырю возвращено его первоначальное названіе. Перенесеніе мощей совершено въ декабрѣ 1892 г. съ

¹⁾ Къ преимуществамъ Спасокаменнаго монастыря принадлежитъ существованіе въ немъ архимандритскаго настоятельства (съ половины XVI в.). См. соч. Н. Суворова.

чрезвычайною торжественностію. Жители мѣстностей, чрезъ которыя проходила священная процессія, стекались въ великомъ множествѣ, изъ-за десятковъ верстъ, несмотря на сильный морозъ и снѣжныя метели.

IX.

Значеніе Спасокаменнаго монастыря въ дѣлѣ колонизаціи сѣверной глуши.—Монастырь, какъ мѣсто заключенія политическихъ ссыльных.—Высокій узникъ.

Спасокаменный монастырь, имѣвшій большое религіозное значеніе въ жизни Сѣвера, игралъ и видную роль въ дѣлѣ колонизаціи сѣверной Руси. Онъ являлся, по вѣрному выраженію А. Мерцалова, однимъ изъ первыхъ охранительныхъ пунктовъ земледѣлія въ краѣ. Многие изъ бояръ и именитыхъ людей преимущественно въ Спасокаменномъ монастырѣ стали принимать постриженіе въ монашество и дѣлать земельные вклады на поминъ души. Вклады эти, особенно со стороны князей, были весьма значительны, и замѣчательно, что монастырю жаловались не деревни и села (преимущественно), а «земли» и пустоши, т. е. мѣста не населенныя. Изъ грамоты ярославскаго князя Данила Александровича 1497 года, писанной въ Новгородѣ, видно, что дѣдъ и отецъ его дали въ свое время Спасокаменному монастырю въ прилегающей къ нему мѣстности 58 «земель» и пустошей, но ни одной деревни, ни одного поселка не было дано, потому что князья дорожили сами населенными мѣстами. Перечисливъ земельные вклады отца и дѣда, князь Данила пишетъ отъ себя: «да что есмь—былъ велѣлъ тиуну Захару сажати своихъ крестьянъ на тѣ пустоши, которыя въ грамотахъ монастырскихъ не писаны, и Захаръ сажалъ на тѣ пустоши: на Дуданской пустоши—посадилъ жилца, на Чирковѣ посадилъ жилца, на Гешковѣ посадилъ жилца, на Галактіоновѣ—посадилъ жилца. И азъ тѣми починки пожаловалъ игумена съ братьею въ домъ Святому Спасу. (Лѣта 7005, мѣсяца авг. въ 9 день)» ¹⁾. То-есть, замѣчаетъ Мерцаловъ, «даря монастырю тѣ земли, на которыхъ только что явились первые поселенцы, князь обращаетъ особое вниманіе монастырскаго начальства на это обстоятельство и намекаетъ, что онъ тѣ пустоши населялъ собственно для себя, и если уступаетъ ихъ монастырю, то въ видѣ особой милости. Отсюда можно заключить, что въ первые два вѣка своего существованія Спасокаменный монастырь получалъ въ даръ отъ князей, бояръ и именитыхъ людей преимущественно не населенныя земли и самъ долженъ былъ заботиться о привлеченіи на нихъ поселенцевъ».

¹⁾ Жалованная грамота князя Данила Александровича Спасокаменному монастырю, на владѣніе данными дѣдомъ и отцемъ его землями и угодьями въ Закубенѣ, въ 1497 году.

Монастырю было удобно заселять свои пустоши, потому что привлекаемые разными льготами поселенцы охотно шли на монастырскія земли. Такимъ образомъ,—говорить Мерцаловъ,—подъ мирнымъ монастырскимъ кровомъ начали въ лѣсной пустынѣ населяться займища и пустоши, появились починки и поселки, возникла, хотя и первобытная, культура земли, а затѣмъ образовались села, деревни и цѣлыя вотчины. Заботясь о заселеніи пустопорожнихъ земель, монастырь успѣлъ въ сравнительно недолгій періодъ времени образовать на нихъ 80 деревень и большую запашку. При тогдашней малолюдности, особенно на сѣверѣ, это весьма замѣчательно, тѣмъ болѣе, что въ теченіе періода 1500—1670 г. происходили безпокойства смутнаго времени, весьма гибельно отразившіяся на земледѣльческомъ населеніи края.

Инокъ Спасокаменнаго монастыря Діонисій Глушицкій основалъ свой монастырь, въ 30 в. отъ Спасокаменнаго. Иноки Глушицкаго монастыря основали новыя обители: Лѣпотовъ монастырь и Семигородскую пустынь. Это было уже продолженіемъ колонизаціи, вачатой Спасокаменнымъ монастыремъ. «Ихъ совокупная колонизаціонная дѣятельность имѣла очень важное значеніе для той обширной части Вологодской области, которая извѣстна въ актахъ XIV и XV вѣковъ подъ именемъ Кубенскаго Заозерья. Чтобы яснѣе представить эту важную сторону дѣятельности монастырей, должно имѣть въ виду, что почти всѣ земельные вклады, полученные ими въ теченіе XIV и XV столѣтій, состояли изъ земель и пустошей чуждыхъ культуры, а въ половинѣ XVII вѣка находимъ на тѣхъ же монастырскихъ земляхъ 12 селъ, 130 деревень, съ населеніемъ въ 1300 человекъ мужскаго пола, и площадь пахатной земли въ 8755 десятинъ». («Вологодская старина», Мерцалова, стр. 112).

Спасокаменный монастырь, какъ и другіе сѣверные монастыри, несъ еще особую службу, такъ сказать, политическую, являясь мѣстомъ заточенія для опальныхъ лицъ, для людей безпокойнаго протестующаго характера, не мирившихся съ тѣми или другими фактами, съ тѣми или другими реформами въ государственной и церковной жизни. Эту службу Спасокаменный монастырь несъ съ давняго времени: такъ виновникомъ пожара 1774 года былъ «сумасшедшій» узникъ. Въ одно время съ нимъ въ стѣнахъ монастыря томились еще и другіе ссыльные, переведенные послѣ ножара въ Кириллобѣлозерскій монастырь. Конечно, эта «служба» принимала не желательный характеръ, когда не имѣла значенія исправленія, и въ излишествѣ усердія «монахъ» превращался въ жестокаго тюремщика. Конечно, было бы лучше, если бы монастыри болѣе корректно относились къ этой своей службѣ и, принимая для «братскаго исправленія» грѣшника, не обращали своихъ стѣнъ въ темницы для людей невинныхъ, неугодныхъ лишь въ данную минуту сильнымъ и властнымъ сановникамъ и правительству.

Но для такой борьбы людей всегда мало, и часто подобная борьба не достигла бы цѣли. Можно было бы требовать отъ монастырскихъ властей болѣе гуманнаго отношенія, но и здѣсь часто центральная власть совершенно подавляла всякое доброе желаніе инокъ. Это видно прекрасно изъ многихъ примѣровъ. Я остановлюсь на одномъ, на ссылкѣ въ Спасокаменный монастырь вице-президента синода при Екатеринѣ I и Петрѣ II, архіепископа Георгія Дашкова.

Правая рука Меншикова, Георгій Дашковъ сумѣлъ сохранить свой высокій постъ и послѣ паденія временщика, но не сошелся съ синодскимъ сотоварищемъ Теофаномъ Прокоповичемъ. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Прокоповичъ пріобрѣлъ въ правящихъ сферахъ большое вліяніе и сталъ искать случая уничтожить своего противника. Чтобы погубить Георгія Дашкова, знаменитый ораторъ, у котораго честолюбіе стояло выше христіанскаго долга, не задумался погубить и несчастнаго воронежскаго епископа Льва Юрлова. Тотъ не получилъ указа и потому не отслужилъ своевременно молебна о восшествіи на престолъ новой императрицы. Вице-губернаторъ сдѣлалъ доносъ въ синодъ. При докладѣ этого доноса въ синодѣ присутствовали Георгій Дашковъ, Игнатій Смола, оберъ-прокуроръ Баскаковъ и оберъ-секретарь Тишинъ. Всѣ они, зная злобу вице-губернатора на епископа Льва, рѣшили: «подожждать другихъ извѣстій о поступкѣ епископа». О такомъ рѣшеніи узналъ Прокоповичъ и поднялъ дѣло. Епископъ Левъ былъ лишенъ сана, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ одинъ изъ архангельскихъ монастырей. Пострадали всѣ члены синода, но сильнѣе всѣхъ — Георгій, котораго, по лишеніи сана, сослали въ Спасокаменный монастырь. «Вологодскимъ епископомъ тогда былъ ученый грекъ Аванасій Кондоиди, — рассказываетъ Мерцаловъ, этюдомъ котораго я пользуюсь для своей передачи. — По натурѣ онъ былъ человѣкъ добрый и деликатный, зналъ объ интригѣ, погубившей Георгія, и не могъ внутренне считать себя солидарнымъ съ его врагами. Это ставило его въ затруднительное положеніе: съ одной стороны синодъ предписывалъ ему самый строгій надзоръ надъ ссыльнымъ, которому запрещались всякія сношенія съ міромъ, и въ монастырѣ онъ долженъ былъ находиться постоянно подъ стражей; съ другой — преосвященный Аванасій не могъ не чувствовать состраданія къ судьбѣ знаменитаго ссыльнаго, жестоко и безвинно наказаннаго врагами. Синодъ заподозрѣлъ его въ благоволеніи къ изгнаннику и цѣлымъ рядомъ указовъ напоминалъ о неослабномъ надзорѣ».

Георгій принялъ схиму. Къ нему были приставлены караульные: отставной лейбъ-гвардіи сержантъ съ жившими въ монастырѣ на пропитаніи солдатами. Теофанъ, узнавъ о «послабленіяхъ», послалъ синодскаго оберъ-секретаря Дудина, которому официально было дано одно порученіе, а секретно другое. Дудинъ узналъ: 1) что

братъ Дашкова, казанскій вице-губернаторъ, и сестры присылали Дашкову съѣстные припасы, что онъ покупалъ свѣжую рыбу; 2) что Дашковъ ходитъ не въ схимъ и благословляетъ. Вслѣдствіе этого донесенія изъ Петербурга былъ присланъ новый караулъ, и наряжено официальное слѣдствіе, открывшее: 1) что Дашковъ свободно гулялъ по монастырю и кельямъ; 2) что вслѣдствіе послабленій имѣлись въ то время къ Дашкову отъ разныхъ персонъ нѣкоторыя присылки съ людьми, которые и были къ нему допускаемы. Выяснено, что къ нему былъ доступъ вообще постороннимъ лицамъ, пріѣзжали къ нему купцы и приносили ему гостинцы. По докладѣ дѣла, въ мартѣ 1733 года изъ кабинета министровъ послѣдовало рѣшеніе: Аванасію, епископу вологодскому сдѣлать выговоръ въ присутствіи синода и подтвердить, чтобы онъ впредь «отъ того Гедеоны караульныхъ отнюдь никуда не отлучалъ и къ оному Гедеоны монахамъ и другимъ постороннимъ, также и тому Гедеоны къ монахамъ и другимъ ходить запретилъ и нигдѣ съ тутошними монахами и съ другими ни съ кѣмъ до разговоровъ того Гедеоны допускать не велѣлъ».

Епископу Аванасію поневолѣ приходилось исполнять обязанности тюремнаго начальника, чтобы не подвергнуться и самому участи Дашкова или Льва Юрлова.

Дашковъ прожилъ въ Спасокаменномъ монастырѣ пять лѣтъ, и въ 1735 году переведенъ въ Нерчинскій Успенскій монастырь.

Все это очень характерно не только для оцѣнки нравственной личности Оеофана Прокоповича, но и для пониманія того времени, а также и для сужденія о «тяжелой и нежелательной» службѣ свѣренныхъ монастырей.

Х.

Гостиница и «образная». — Молебень. — Довѣріе монастыря. — Уходъ «Кубины». — Прогулка по озеру. — Спасательная станція. — Камень въ 500 пудовъ вѣсомъ.

Когда пароходъ причалилъ къ пристани и брошенные канаты были укрѣплены, положили сходни. Пассажиры, толкая другъ друга, спѣшили сойти на берегъ.

Влѣво отъ пристани — церковь и корпусъ келій, вправо — гостиница и спасательная станція.

Мы поднялись по узенькой и довольно крутой деревянной лѣсенкѣ и вошли въ гостинный домъ. Дверь въ большую и свѣтлую комнату была открыта. По одной стѣнѣ въ рядъ стояли иконы, какъ въ часовнѣ, а по другой (задней) — разставлена буковая мебель, — съ диваномъ и большимъ столомъ, покрытымъ скатертью.

— Это часовня? — спросилъ я кого-то.

— Какъ бы... «образная», стало быть.

Явился священникъ (іеромонахъ) съ дьякономъ, отбывающимъ

въ монастырѣ наказаніе, по приговору духовной власти,—и начался молебень. Послушникъ принесъ блюдо со свѣчами и поставилъ на столъ. Народъ подходилъ, самъ бралъ свѣчи и клалъ деньги.

— А если положить меньше?—замѣтилъ я потомъ послушнику.

— Стало быть, нѣтъ больше, — отвѣтилъ онъ: — нарочно никто не возьметъ, вѣдь это бы значило красть у святого. Кто же будетъ ставить свѣчу да обманомъ? А если бы и нашелся кто — его грѣхъ.

— Другой ничего не положитъ, а только возьметъ... Всякіе есть люди.

— Суди его Богъ да Преподобный, если онъ за наше довѣріе обманомъ оплатитъ.

Молебень отслужили быстро. Всѣ эти молебны на пристаняхъ, какъ, напримѣръ, и на Волгѣ, у Толгскаго монастыря, во время остановокъ пароходовъ, служатся необычайно быстро: скороговоркой все читается и поется. Говорятъ, это «по необходимости»; но впечатлѣніе получается нежелательное, ибо всякое «служеніе на почтовыхъ» лишено должнаго благоговѣнія. Впрочемъ, вообще надо сказать, наши послушники по большей части поютъ безъ всякаго чувства, словно отмахиваютъ уроки. Пѣніе въ женскихъ монастыряхъ въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше.

По окончаніи молебна, публика, ѣхавшая въ Устье, возвратилась на пароходъ, а мы всѣ, прибывшіе на островъ, пошли провожать своихъ спутниковъ.

— Досвиданья! Дозавтра! — крикнулъ мнѣ адвокатъ, стоя уже на палубѣ, у борта.

— Счастливаго пути! Не забудьте насъ здѣсь! — отвѣтилъ я шутиливо.

— А знаете: вѣдь можетъ случиться, что мы васъ и не возьмемъ завтра.

— Это почему?

— Если сильное волненіе поднимется.

— Ну, такъ что же?

— Не подойти... Тогда до пятницы... Да вы не будете въ накладѣ... У отца Павла хорошо, не соскучитесь... Кланяйтесь ему; онъ, вѣрно, уже въ церкви у всенощной.

— Его совсѣмъ нѣтъ дома, — отвѣтилъ какой-то молодой чело-вѣкъ, стоявшій позади меня.

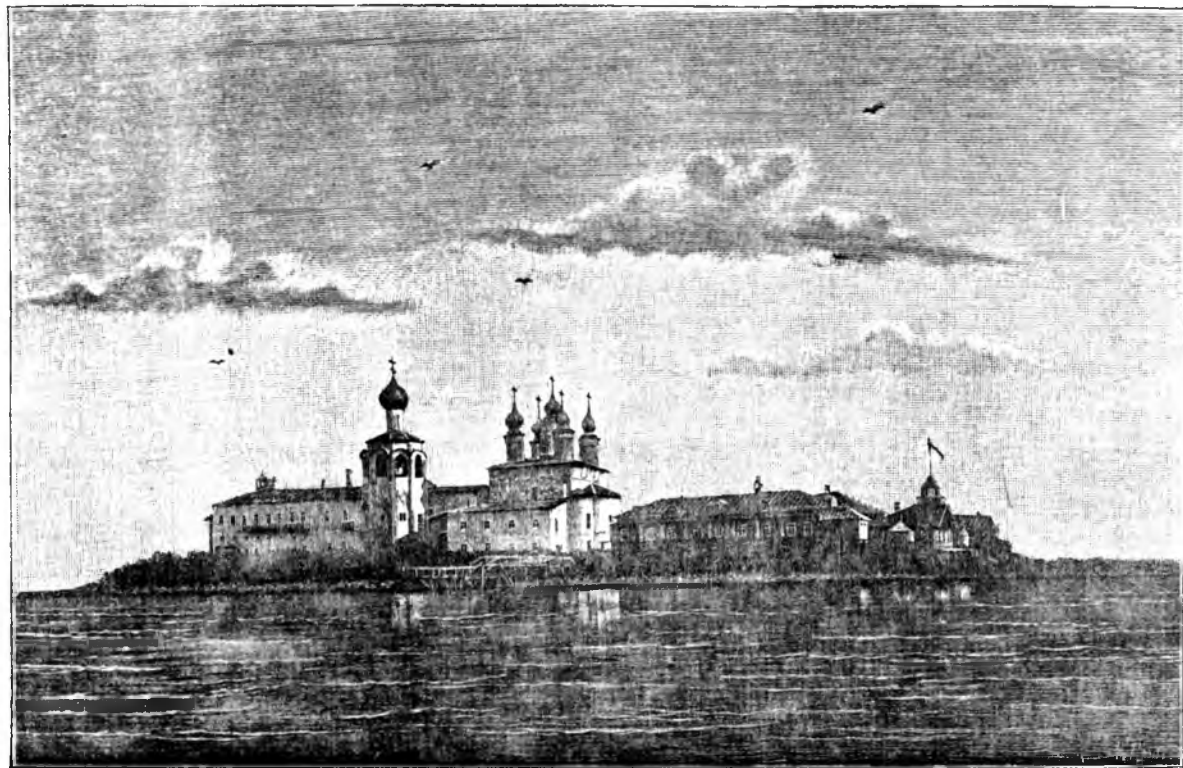
— Какъ нѣтъ? — промолвилъ я, быстро оборачиваясь... А мнѣ его надо видѣть!

— Онъ, говорятъ, скоро вернется... Ждутъ съ часа на часъ...

— Гдѣ же онъ?

— Да поѣхалъ на лодкѣ, въ Кунитскій монастырь... Думали, что къ службѣ вернется... но запоздалъ...

Раздался свистокъ. Сходни убрали. Заработала машина, завертѣлись колеса, поднимая водяную пѣну, и пароходъ сталъ отчаливать.

Общій видъ Спасокаменнаго монастыря.

Мы обмѣнялись еще разъ поклонами съ отъѣзжающими. На Волгѣ священникъ осѣняетъ отходящій пароходъ крестомъ. Это производитъ умилительное впечатлѣніе и дѣйствуетъ на сердце. Очень жаль, что этого напутствія не дѣлается на Каменномъ островѣ.

— А вы къ отцу Павлу?—обратился ко мнѣ молодой человекъ, сообщившій о томъ, что настоятеля нѣтъ дома.

— Не собственно къ нему, но хочу повидать и его. Да и неудобно, осматривая обитель, не зайти къ ея настоятелю. А вы его хорошо знаете?

— Да. Я работалъ здѣсь.

— Что же именно?

— Я иконописецъ. У меня мастерская въ Вологдѣ.

Онъ называлъ свою фамилію. По фамиліи я зналъ уже молодого человека, какъ добросовѣстнаго исполнителя заказовъ.

— Пройдемтесь по острову,—предложилъ я.

— Хорошо-съ... Да онъ такъ малъ, что обойти его въ нѣсколько минутъ можно. Шестьдесятъ въ длину и тридцать сажень въ ширину. Въ окружности сажень 200.

— Какого онъ происхожденія?

— Несомнѣнно, наноснаго. Онъ состоитъ изъ отдѣльных камней разной величины. Ничѣмъ не связанные камни оползаютъ и подмываются водой.

— Значитъ, онъ будетъ все уменьшаться?

— И уменьшается... Нужно бы позаботиться на этотъ счетъ..

— Что же сдѣлать?

— Да во время обмелѣнія связать камень съ камнемъ желѣзными скрѣпами, съ основанія до верха, а потомъ все залить цементомъ...

— Гдѣ же здѣсь скотъ? Я не вижу что-то.

— Да здѣсь лѣтомъ не держатъ ни лошадей, ни коровъ. Молоко привозятъ въ лодкахъ изъ-за восьми верстъ.

— Откуда же?

— Изъ Куштскаго монастыря. Здѣсь нѣтъ пастбища.

Построекъ на островѣ немного. Храмы зимній и лѣтній, игуменскій корпусъ вмѣстѣ съ братскими келіями — одно зданіе. Затѣмъ: новая каменная гостиница, двухъэтажный деревянный домикъ, въ которомъ прежде останавливались богомольцы, а теперь живутъ рабочіе, и спасательная станція. Изъ хозяйственныхъ построекъ — сарай, хлѣвъ и конюшня — всѣ деревянные, изъ горбылей ¹⁾.

— Постоянная починка, замѣтилъ иконописецъ.

---

¹⁾ Въ настоящее время дѣлается пристройка къ братскимъ келіямъ; пристройка — деревянная. Она заслонена отъ берега каменнымъ фасадомъ старыхъ келій, и я не замѣтилъ сразу.

Храмъ и настоятельскій корпусъ въ Спасокаменномъ монастырѣ.

— Отчего?

— Льдомъ весною спираетъ ихъ съ мѣста зачастую, а то и разрушаетъ совсѣмъ. Пойдемте, я покажу вамъ камень. Онъ вѣситъ 500 пудовъ, и его водой нанесло на крышу келій во время ледохода.

За сараями, вблизи храма, врытъ въ землю громадный камень, на поверхности котораго написано, что онъ былъ нанесенъ льдомъ въ 1836 году на крышу братскаго корпуса.

— Напоромъ льда вытѣснило изъ воды?.. Значить вода поднимается высоко?

— До самыхъ оконъ зачастую... Бывали случаи, и окна всѣ перебьютъ льдины... А въ томъ году особенное было наводненіе... Комнаты въ ледникъ обратились... такъ набило льду черезъ окна.

Спасательная станція на самомъ мысу. На ней живетъ караульный матросъ-инокъ. Станція работаетъ исправно. Въ это лѣто она также сдѣлала доброе дѣло. Американскій (квадратный желѣзный съ воздушными ящиками) плотъ измѣрялъ глубину озера, попалъ въ бурю на камень и затонулъ въ 5-ти верстахъ отъ монастыря. Трое матросовъ около пяти часовъ стояли у мачты на рубкѣ въ водѣ выше пояса. Несчастныхъ увидѣли со спасательной станціи и послали имъ лодку. Большую борьбу съ волнами вынесли спасающіе, но достигли дѣли, сняли погибавшихъ съ плота. Двое изъ нихъ лишились чувствъ, а третій потерялъ способность говорить. Иноки-матросы сняли съ несчастныхъ мокрое платье и уже въ сухой одеждѣ доставили ихъ въ обитель. Всѣ трое оправились, благодаря заботливому уходу братіи. Плотъ пришлось поднимать воротами.

Мы подошли къ самому краю острова. Съ него прекрасный видъ на берега озера, усѣянные многочисленными селеніями, между которыми бѣлѣютъ каменные церкви, виднѣется монастырь.

Зазвонили на монастырской колокольнѣ.

— Пора и въ храмъ зайти, — сказалъ иконописецъ... Пожалуй, это къ евангелію!

Мы отправились ко всенощной.

Служба происходила въ лѣтнемъ храмѣ, въ который ведетъ пологая, широкая лѣстница.

XI.

За всенощной въ холодной церкви. — Чтеніе и пѣніе. — Въ новой гостиницѣ. — Приглашеніе къ настоятелю. — О. Павелъ и его покой. — Разговоры за чаемъ. — Братскій корпусъ и московскіе иноки въ Спасокаменномъ монастырѣ. — Каменный островъ прежде. — Банный островъ. — Приписанные монастыри. — Составъ монастыря и его матеріальное положеніе.

Церковь-небольшая, похожая на обыкновенную сельскую церковь, но чистенькая, свѣтлая и производитъ пріятное впечатлѣніе.

Я подошелъ къ свѣчному ящику, за которымъ стоялъ благообразный сѣдой монахъ, уже сгорбленный, съ доброй улыбкой, очень вѣжливый въ обращеніи.

— Вамъ свѣчечекъ угодно?

— Да, пожалуйста.

Онъ подаль свѣчи. Я попросилъ его поставить. Онъ низко поклонился, промолвилъ: «хорошо-съ», и медленной поступью направился къ иконостасу.

Скоро началось чтеніе евангелія, которое и вынесли на средину для прикладыванія богомольцамъ. Въ числѣ другихъ подошли и мы.

Іеромонахъ—маленькаго роста, съ походкой человѣка, у котораго болятъ ноги. Типъ обыкновеннаго іеромонаха или сельскаго «попа», безъ тѣхъ «пріемовъ», которыми щеголяютъ иные городскіе и особенно столичныя священники. Но потому, какъ онъ молился, видно было, что все дѣлалось отъ сердечнаго усердія.

Пѣвіе партесное и недурное; очень хорошъ дискантъ, только онъ перекрикивалъ — дурная привычка многихъ пѣвчихъ, лишенныхъ опыта и понимающаго дѣло руководителя. Лѣвый клиросъ слабъ, а чтеніе старика, сбившаго совсѣмъ языкъ, было крайне неприятно. У дьякона голосъ зычный, но произношеніе неясное, чѣмъ отличается большинство дьяконовъ, ошибочно думающихъ, что важенъ не смыслъ эктений, не слова, а только умѣніе произносить ихъ громко, «гудисто», по выраженію богомолки. Они гудятъ, нерѣдко натуживаются, и отъ этого еще менѣе понятно то, что они говорятъ. Къ сожалѣнію, на этотъ недостатокъ у насъ мало обращается вниманія даже въ соборахъ, гдѣ контроль архіерея всегда на лицо. Неприятно дѣйствуетъ и то, что діаконъ начинаетъ дальнѣйшее прошеніе эктений, когда пѣвчіе еще не кончили, вслѣдствіе чего начало прошенія пропадаетъ для богомольцевъ.

Стѣны храма толщиною почти въ двѣ сажени, все-таки во время ледохода бываетъ столь сильное сотрясеніе, что колеблется паникадило. Одна изъ балокъ, стягивающихъ куполъ и стѣны, сильно погнулась. Въ храмѣ ощущается сырость; на стѣнахъ видны пятна. Храмъ не блещетъ позолотой и украшеніями. Внутри все скромно. Можно отмѣтить только надъ царскими вратами рельефныя фигуры Воскресенія, выше Вознесенія Господня, да головки херувимовъ надъ сѣверными и южными дверями. Живопись отчасти распространяется на стѣны и заканчивается въ куполѣ изображеніемъ Іисуса Христа.

— Вотъ тоже постоянный ремонтъ,—сказалъ иконописецъ, указывая на куполъ.

— Отъ сырости портится?

— Нѣтъ, а мухи набираются въ куполъ и залѣпляютъ ликъ.

Холодная церковь—во имя Преображенія Господня. Это самое древнее каменное зданіе въ монастырѣ. Церковный корпусъ построенъ, по словамъ Суворова, въ 1481 году, княземъ Андреемъ, сыномъ Василя Темнаго. Главный корпусъ храма выведенъ высокою двухъ-этажною четвероугольною башнею, въ 8 сажень вышины. Съ на-

ружныхъ сторонъ стѣнъ идугъ по 4 пилястры, оканчивающіяся вверху глухими арками, по 3 на каждомъ фасѣ. Пять высокихъ круглыхъ трибуновъ (средній изъ нихъ съ 8-ю узкими длинными окнами, прочіе глухіе) съ византійскими на нихъ главами вѣнчаютъ зданіе; главы и кресты обиты бѣлымъ желѣзомъ. Наружныя стѣны не имѣютъ украшеній, кромѣ высѣченныхъ въ глубь крестовъ въ карнизахъ. Не безъ сожалѣнія должно сказать, прибавляетъ знатокъ церковной археологіи, покойный Суворовъ, что множество оставшихся отъ глубокой древности на наружныхъ стѣнахъ храма рельефныхъ украшеній, весьма вычурныхъ и красивыхъ, уничтожено настоятелями недавняго времени.

Живопись въ храмѣ (въ которомъ два придѣла, кромѣ главнаго престола: одинъ во имя Вологодскихъ Чудотворцевъ, другой во имя Собора Іоанна Предтечи) новая, не представляющая ничего замѣчательнаго.

Мы не достояли всенощной и отправились въ гостиницу; я хотѣлъ осмотрѣть нижній этажъ храма, но онъ оказался запертымъ.

— А я уже и самоваръ нагрѣлъ для васъ, — сказалъ о. гостиникъ, встрѣчая насъ въ стѣняхъ.

— Куда же идти?

— Да вотъ въ эту комнату и пожалуйте... въ большую-то.

— Какъ? Да здѣсь же «образная»?

— Такъ что же? Развѣ въ квартирахъ нѣтъ образовъ?

— Конечно... Но все же какъ-то неловко пить и ѣсть... въ часовнѣ. А гдѣ же спать будемъ?

— И спать тутъ же... на диванѣ я сдѣлаю постель... отлично выспитесь!

Подали самоваръ, прекрасный бѣлый хлѣбъ и кувшинъ густого молока.

Я былъ въ затрудненіи и никакъ не могъ помириться съ необходимостью спать въ «часовнѣ» или все равно въ «образной».

— Да здѣсь и холодно будетъ, — сказалъ я: — видите, какъ ходитъ вѣтеръ...

— Пожалуй, и то правда, — согласился художникъ. — Какъ же быть?

Явившійся послушникъ разрѣшилъ наше недоумѣніе.

— О. настоятель проситъ васъ къ себѣ, — произнесъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Уже вернулся?

— Да, онъ усталъ и проситъ извинить, что не можетъ самъ посѣтить васъ.

— Поблагодарите отца игумена; мы сейчасъ придемъ къ нему.

На порогѣ большой комнаты, въ три окна, встрѣтилъ насъ сухощавый человѣкъ средняго роста, лѣтъ 50 слишкомъ, но еще прямой, бодрый, одѣтый въ подрясникъ темнаго цвѣта.

Это былъ игуменъ, о. Павелъ (Поповъ).

Блѣдное, худое лицо, рыжеватые волосы, небольшая сѣдѣющая борода, голубые, добрые глаза — вотъ дополнительные черты его портрета.

— Милости прошу! Я усталъ съ поѣздки немного, — произнесъ игумень пріятнымъ низкимъ баритономъ.

Мы приняли благословеніе и прошли въ комнату.

Коротенькое *succiculum vitae* настоятеля.

Онъ — сынъ причетника Кичменской Благовѣщенской церкви, Никольскаго уѣзда; учился въ духовномъ училищѣ и молодымъ поступилъ въ Семигородную Пустынь, гдѣ и принялъ монашество, посвященный потомъ въ санъ іеромонаха. Переведенный отсюда въ Прилуцкій монастырь (въ 5-ти верстахъ отъ Вологды), онъ проходилъ различныя должности, два раза стоялъ во главѣ управленія монастыремъ и, возведенный въ игумены, въ 1885 году сдѣланъ настоятелемъ древнѣйшей обители на Кубенскомъ озерѣ. О. Павлу принадлежитъ инициатива въ дѣлѣ перенесенія мощей изъ Вологды и переименованія обители изъ пустыни въ Спасокаменный монастырь.

Квартира игумена состоитъ изъ трехъ комнатъ: пріемной или залы, гостиной, столовой, отъ которой отгороженъ маленькій кабинетъ, гдѣ и спитъ о. Павелъ. Самая большая комната пріемная. Она въ три окна, выходитъ на озеро, плескъ котораго ясно доносится въ комнату черезъ закрытыя окна. Небольшая дверь ведетъ на балконъ. Меблировка скромная: три неважныхъ диванчика, четыре жесткихъ кресла, нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, три или четыре стола и два зеркальца. Въ переднемъ углу — масса образовъ въ кіотѣ, и передъ ними аналой. На угольномъ столикѣ — священные книги. Стѣны увѣшаны портретами и фотографіями лицъ царской фамиліи, разныхъ знаменитыхъ іерарховъ и духовныхъ особъ — знакомыхъ настоятеля.

— Позвольте чайкомъ угостить, — предложилъ о. Павелъ.

Мы благодарили и не отказались, такъ какъ въ гостиницѣ успѣли выпить только по одному стакану.

— А у васъ тамъ холодновато, о. Павелъ, — сказалъ я, когда онъ спросилъ о гостиницѣ.

— Да, комната большая... еще не все устроено... А вы ночуйте здѣсь... и теплѣе и удобнѣе...

Я отъ души былъ радъ этому любезному предложенію.

— Въ первый разъ вы здѣсь? — обратился ко мнѣ игумень.

— Въ первый.

— Какъ же понравилось? или еще не успѣли осмотрѣть?

— Кое-что осмотрѣлъ уже... видѣлъ камень громадный... Однако, и ледоходъ же былъ тогда!

— Да, изрядный... Этакій камень на крышу нанесло... А впрочемъ что же: каждую зиму льдомъ насъ окружаетъ... такія ледяныя

горы настроить озеро, словно въ крѣпости мы... Отъ всего Божьяго міра отрѣзаны.

— И надолго?

— Да когда какъ... недѣли на двѣ по крайности. Того и гляди, что и въ окна вломятся льдины... Тогда-то совсѣмъ въ ледникъ комнаты обратились... Окна всѣ перебили... Да какъ почнетъ ледъ ломать—такъ и ждешь бѣды!..

Послушникъ принесъ на подносѣ стаканы съ чаемъ, лотокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и вазочку съ вареньемъ.

— Прошу покорно!

Проходя къ столу, я невольно остановился у окна, въ которое видѣлась узкая береговая полоска, отдѣляющая зданіе келій отъ воды. За полоской—озеро; оно теперь пѣнилось и гудѣло.

— Не раздражаетъ вамъ нервы этотъ гудъ? — спросилъ я у о. Павла.

— Мы привыкли... Да это что... Вотъ осенью... нѣпогодъ, постоянныя бури... дождь, ненастье... Холодно и непривѣтно...

— И скучно.

— Ну, мы скуки не знаемъ... Какая же скука монаху?..

— Признаюсь, я не могъ бы долго выжить здѣсь осенью,—сказалъ я.

О. Павелъ добродушно улыбнулся.

— Да, нужна привычка и охота,—произнесъ онъ.

— И всегда путешествіе на лодкахъ... это тоже прискучить.

— Зимой ѣздимъ на лошадахъ...

— Только зимой!

— Не только... Тутъ есть песчаная коса... Она идетъ отъ нашего острова къ Банному, поросшему ракитникомъ... онъ тянется до берега, въ видѣ луга съ осокою... какъ пересыхаетъ, въ мелководье можно по немъ до берега дойти...

— А вы не боитесь, что островъ вашъ когда нибудь совсѣмъ смоетъ вода?

— Ну, когда еще!..

— Вѣдь онъ уменьшается?

— По всей видимости... Прежде островъ былъ больше... Отъ напора льдовъ и весенней воды часть его стирается... Какъ горы, льдины-то идутъ... силища какая!.. Вы посмотрите, что за толщина стѣнъ у этого корпуса... а вѣдь сотрясаются отъ льда.....

— Это старинный корпусъ, о. Павелъ?

— Да верхъ-то не особенно старинный, съ французскаго нашествія... Тутъ въ монастырѣ въ 1812 году московскіе монахи укрывались... Нѣсколько лѣтъ жили... года три, четыре никакъ... Они и надстроили верхъ-то... Раньше онъ былъ одноэтажный... Выстроили верхъ и подвели подъ одну крышу съ теплой церковью.....

— А кто же теперь живетъ внизу?

— Подо мной—кели, а въ самомъ низу трапеза, кухня и кладовыя... И вверху живутъ нѣкоторые.... А послушники внизу...

— Сколько всей братіи?

— Немного. Іеромонаховъ всего два. Теперь даже одинъ, потому что другой ушелъ за сборомъ. Дьяконъ мірской, на послушанье присланъ. Ну, одинъ монахъ мантийный, одинъ рясофорный... Свѣчи продаетъ онъ... А послушниковъ десять. Да они гости у насъ:

Настоятель Спасокаменнаго монастыря, игумень о. Павель.

хотятъ—живутъ, хотятъ—уходятъ... Держать не можемъ... Уговариваемъ... не послушается, власти держать не дано...

— А часто переходятъ?

— Часто. Народъ вездѣ избаловался... Не любитъ труда, строгости... чуть что—и прощай!.. Не лучше прислуги нонче...хлопотъ съ ними масса... Умѣнье надо держать въ порядкѣ... Испивать любить другіе... На монастырь смотреть не какъ слѣдуетъ... Всякіе бываютъ... Одинъ вотъ такой безобразникъ вышелъ, да и началъ по деревнямъ за іеромонаха молебны служить, собирать на обитель.

— И что же?

— Схватили...

— И нареканіе на монастырь?

— А какъ же!.. Все больше отъ послушниковъ идетъ это... народъ неустойчивый... Конечно, и монахи всякіе, но этому ужъ нѣтъ воли, да и все же онъ больше бережется... борется съ собою... а тамъ—все тринь-трава!..

— Мнѣ очень свѣчникъ вашъ понравился.

— Хорошій человекъ. Онъ изъ сапожниковъ. Имѣлъ свою мастерскую въ Петербургѣ, все передалъ женѣ-старухѣ и ушелъ спасаться... Этотъ по влеченію... весь преданъ дѣлу... его для поощренія въ рясофорные посвятили. Если бы всё-то такъ держали себя—благодать!..

— А доходы у монастыря не велики?—полюбопытствовалъ я.

— Очень. Капиталы въ банкѣ не большіе: графиня Орлова-Чесменская положила 5.000 рублей, вотъ и самый крупный вкладъ, а то пустяки... Велики ли проценты?

— А другіе доходы?

— Да какіе же? За земли немножко, рыбная ловля почти ничего не даетъ... ну, за мельницу—рублей сто... Вотъ и доходы... Всего тысяча съ небольшимъ.

— Гдѣ же мельница?

— Да въ Кадниковскомъ уѣздѣ... Раньше Куштскому монастырю принадлежала.

— Это одинъ изъ приписанныхъ монастырей?

— Да, ихъ два: Бѣлавинская пустынь и Александро-Куштскій монастырь...

— А вѣдь у васъ, кажется, былъ здѣсь великій князь Алексѣй Александровичъ?—припомнилъ художникъ.

— Былъ... только это давно, въ 1870 году, когда ѣдиль въ Архангельскъ.

— И долго ли?—спросилъ я.

— Всего около часу... Осмотрѣлъ, прослушалъ молебенъ, приложился къ ракѣ преподобнаго Іоасафа, пожертвовалъ сто рублей и отбылъ.

— Да вѣдь тогда здѣсь мощей не было?—замѣтилъ я.

— А рака-то стояла, въ память пребыванія мощей, и на ней икона Угодника...

О. Павелъ вышелъ изъ комнаты, а меня художникъ повелъ разсматривать портреты, висѣвшіе на стѣнахъ. Изъ портретовъ обращаютъ на себя вниманіе особенное слѣдующіе: Фотія Юрьевского, святителей Пимена и Антонія (мѣстныхъ святыхъ). Лица обоихъ послѣднихъ дышатъ чистотою, а взглядъ глазъ такой ясный, какой бываетъ только у настоящихъ праведниковъ и подвижниковъ. Надъ диваномъ олеографія—о. Іоанна Кронштадтскаго, и фотографія не-

давно бывшаго архіерея Антонія, нынѣ ростовскаго, и настоящаго вологодскаго епископа—Алексія.

Вернулся о. Павелъ, за которымъ послушники несли приборы для ужина. Мы стали отказываться.

— Нѣтъ, надо закусить, а то вы будете голодны,—настаивалъ хлѣбосольный хозяинъ.

На ужинъ была подана прежде всего соленая щука превосходнаго вкуса, затѣмъ уха изъ судака и жареный лещъ. Все приготовлено прекрасно.

— Это своя рыба?—спросилъ я.

— Да, своя, потому что куплена,—съ улыбкой отвѣтилъ игумень.

— Покупаете? Отчего же не ловите сами?

— Неудобно. Пробоваль, только грѣхъ одинъ: то сгноять сѣти, то изорвать ихъ... Вольный народъ—послушники. Говорю, что съ ними ничего не подѣлаете, они, какъ въ древней Руси холопы, переходятъ изъ мѣста въ мѣсто... Тогда хоть надо было ждать Юрьева дня, да уговоры были, а тутъ нѣтъ ничего, полная свобода. Рабочихъ штрафуютъ хозяева, а здѣсь и штрафъ не мыслимъ. Въ женскихъ монастыряхъ куда легче: бѣлицы иначе относятся къ дѣлу... Женщины лучше!

Послѣ ужина мы еще поговорили немного и разошлись по комнатамъ. О. Павелъ съ иконописцемъ удалились въ кабинетъ, а я остался въ пріемной, гдѣ на диванѣ мнѣ сдѣлали постель.

Спать еще не хотѣлось, нервы были приподняты... Озеро волновалось, вѣтеръ крѣпчалъ... Я подошелъ къ окну и долго любовался на бѣлые гребни волнъ, вздымавшихся на озерѣ. Я чувствовалъ себя какъ бы на большомъ пароходѣ, стоявшемъ на якорѣ. Ночь свѣжая. Вдали бѣлѣли церкви. Маленькій пароходикъ буксировалъ двѣ барки. Овъ, какъ говорится, «натужился», изъ всѣхъ силъ борясь съ волненіемъ и вѣтромъ, медленно подвигаясь впередъ. Мысли мои унеслись далеко, къ старинѣ, когда на островѣ жили первые подвижники... Это далекое прошлое, сквозь поэтическую призму священныхъ преданій, казалось заманчивымъ и влекло къ себѣ воображеніе и чувство. И бѣлая сѣверная ночь, когда одна заря сходитъ съ другою, и этотъ гулъ валовъ раскинушагося озера, и рѣдкій бой часовъ на колокольнѣ, и обстановка комнаты (портреты іерарховъ, божница, аналой) и тишина, царившая въ обители,—все невольнo направляло мысль въ извѣстную сторону, вызывало въ памяти все прочитанное и слышанное о первыхъ христіанскихъ аборигенахъ глухого края и рисовало ихъ пустынную иноческую жизнь въ заманчивомъ свѣтѣ. Сердцу хотѣлось уединенія и сладости подвига... Но все осмѣивающій умъ и тутъ постарался отравить мои мечтанія... «Ты хочешь подвига?... а развѣ?... И заманчивыя картины иной жизни опять возстали передо мной. Откажешься ли отъ всего этого? Сможешь ли? И я съ болью чувствовалъ, что не смогу,

что безсиленъ отказаться и отъ удобствъ и наслажденій, которыя стали уже синонимомъ жизни для меня... Не только подвиги далекихъ пустынниковъ—не по силамъ, а и эта жизнь современныхъ иноковъ, которыхъ всѣ такъ любятъ обвинять,—тяжела и невыносима мнѣ... Въ ней много отраднaго... душа понимаетъ это... но... понимать и жить—не одно и то же. Развѣ потомъ, въ послѣдствіи, но не теперь! Я это сознавалъ, и величавые образы древнихъ подвижниковъ за вѣру Христову проходили предо мною, исполненные духовной красоты, и я мысленно съ благоговѣніемъ склонялся передъ ними.

Я вспомнилъ рассказы о Маркѣ и Александрѣ Куштскомъ—основателяхъ обителей, которыя когда-то существовали самостоятельно, а теперь причислены къ Спасокаменному монастырю... Обитель послѣдняго видна съ острова... Да, это—совсѣмъ иные люди. Ихъ не влекла шумная жизнь, ихъ душа жаждала тиши чащи лѣсной, безмолвія дебри... Маркъ жилъ въ Вологдѣ, въ Ильинскомъ монастырѣ (нынѣ упраздненномъ). Но инока манила пустыня. И вотъ онъ умоляетъ епископа Варлаама: «есть, государь, въ Вологодскомъ уѣздѣ въ Заднемъ селѣ Бѣлавинское озеро, и на томъ озерѣ островъ. Умилосердися, государь, пожалуй меня, нищеву царского богомольца и своево святительскаго, и благослови на томъ острову кѣлейпу поставить и потерпѣти Бога ради. Государь, смилуйся, пожалуй!»

Какую трогательностью запечатлѣны эти безыскусныя строки инока, вылившіяся прямо изъ его сердца, преисполненнаго жажды подвига ради Бога! Маркъ умоляетъ, какъ милости просить—чего? Денегъ, награды, повышенія? Ничуть! Онъ проситъ разрѣшить уйти въ пустыню, на нужду, голодъ, на мученія... Сравните съ нашими днями и ихъ злобами. Всякій стремится въ центръ, на видное мѣсто, въ богатое село... А тутъ? «Смилуйся, пожалуй, благослови потерпѣти!» Слезы подступаютъ къ глазамъ, читая такія прошенія, и начинаешь понимать, почему была крѣпка земля наша тогда, когда еще тѣмъ обнимала ее всю... Она была крѣпка такими свѣтильниками и подвижниками, какихъ мы теперь и понимать разучились, да чего добраго и почитать разучимся скоро.

И пошелъ на озеро Бѣлавинское Маркъ и основалъ обитель въ 1630 году.

Она существуетъ и нынѣ. Въ ней двѣ церкви—деревянная, старинная, съ шатровымъ верхомъ, и каменная новая, построенная въ 1830 году, когда выстроены и двухъ-этажный каменный корпусъ, въ которомъ братскія келіи и покои на случай пріѣзда игумена.

Другой подвижникъ—Александръ Куштскій, постриженникъ Спасокаменнаго монастыря. Ища полнаго уединенія, этотъ достойный современникъ Діонисія Глушицкаго ушелъ въ пустыню на рѣку Сянжему и тамъ въ болотистыхъ мѣстахъ срубилъ себѣ келью. Проживъ здѣсь нѣкоторое время, онъ переселился на рѣку Кушту, близъ Кубенскаго озера, помѣнялся кельями съ пустынникомъ Евѣи-

міемъ, ушедшимъ на Сяжму, и продолжалъ свои подвиги. Заозерскіе князья полюбили его и помогли ему создать церковь. Такъ основался монастырь, расширившійся уже послѣ кончины угодника, послѣдовавшей въ 1439 году.

Въ монастырѣ сохранилось многое отъ древней старины. Такъ въ деревянной церкви, построенной въ XV вѣкѣ, во имя Успенія Богоматери, въ иконостасѣ имѣется нѣсколько иконъ древняго письма. Каменная церковь, какъ и въ Бѣлавинской пустыни, выстроена недавно. Въ верхнемъ этажѣ ея покоятся мощи преподобнаго Александра Куштскаго въ посеребренной гробницѣ, подъ балдахиномъ. Братія немного. Сюда переводится къ веснѣ весь скотъ съ Каменнаго острова, и отсюда на лодкахъ привозятъ молоко въ монастырь.

Часы на колокольнѣ пробили уже два раза. Было свѣтло, какъ днемъ, и я свободно читалъ книгу у окна. Но нужно было ложиться спать, чтобы не опоздать къ обѣднѣ. Я помолился и легъ на приготовленную постель. Прислушиваясь къ мѣрному гулу волнъ я уснулъ, какъ бы убаюканный чьей-то пѣсней.

XII.

Утро. — Изъ окна на озеро. — Ложное извѣстіе о прїѣздѣ о. Іоанна Сергіева. — Прибытіе парохода съ баржей. — За обѣдней. — О. Павелъ на службѣ. — Молебень у гробницы св. Іосафа. — Теплая церковь. — У гробницы св. Василия Юродиваго. — Фактъ, достойный замѣчанія. — Опять въ покояхъ игумена. — Приходъ «Кубины». — Возвращеніе домой. — Крылатое слово простого человѣка.

Я проснулся около девяти часовъ. Въ комнатѣ сдѣлалось довольно свѣжо. Въ окна дуло съ озера. Утро было ясное, но холодное. На озерѣ ходили громады валы. Волны набѣгали на островъ и съ шумомъ разбивались объ его каменистый берегъ... Глазамъ открывался широкій горизонтъ, и взоръ приковывался къ нему. Утромъ, при солнцѣ, получалось другое впечатлѣніе, охватывали мысли о борьбѣ съ этой грозной стихіей....

Что-то чернѣло на озерѣ, подвигаясь, повидимому, къ острову.

Я быстро умылся и одѣлся и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

Художникъ и игуменъ уже давно встали.

— Что это тамъ движется? пароходъ? — спросилъ я.

— Да, это какой-то пароходъ, везетъ богомольцевъ, должно быть, сюда.

— А не «Кубина»?

— Нѣтъ, ей еще рано, — отвѣтилъ художникъ.

О. Павелъ ушелъ куда-то. Онъ вскорѣ вернулся и сейчасъ же раздался благовѣстъ къ обѣднѣ.

— Знаете, — сказалъ игуменъ: — говорятъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій будетъ сегодня сюда.

— Можетъ ли быть?—воскликнулъ я.—Кто вамъ сказалъ это?

— Приѣхалъ тутъ купецъ одинъ... Пароходъ его видѣли...

Я усомнился, но извѣстіе меня обрадовало; я очень желалъ, чтобы оно оказалось правдой. Мнѣ хотѣлось повидать почтеннаго пастыря, съ которымъ я не встрѣчался около 11 лѣтъ, и которому я былъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ. Я неточно выразился: молитвамъ его. Да, врачи рѣшили, что я не встану, а если и буду ходить, то на костыляхъ. Но онъ сказалъ: никто какъ Богъ, вѣрьте только,—и я сталъ ходить черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія имъ моей квартиры... Какъ хорошо бы встрѣтить его и именно здѣсь, въ этой обители...

Когда мы, выпивъ по стакану чая, отправились съ художникомъ на берегъ,—пароходъ уже былъ недалеко. Ему приходилось сильно бороться съ волнами. Онъ едва шелъ. Когда онъ еще приближался, мы увидѣли, что палуба и баржа переполнены публикой.

Не сразу удалось пароходу подойти къ пристани. Уже думали, что придется выслать лодку. Но онъ все-таки присталъ. Оказалось, что приѣхавшіе—все съ завода Бѣльева: тутъ и администрація и рабочіе обоого пола.

— Что, еще нѣтъ?

— Не приѣхалъ еще?

И вопрошавшіе ждали отвѣта съ нетерпѣніемъ.

— Кто?

— Да онъ!

Мы поняли, про кого спрашивали.

— Отецъ Іоаннъ? нѣтъ еще! А развѣ вы ждете его?

— Какъ же!

— Нарочно для него приѣхали!

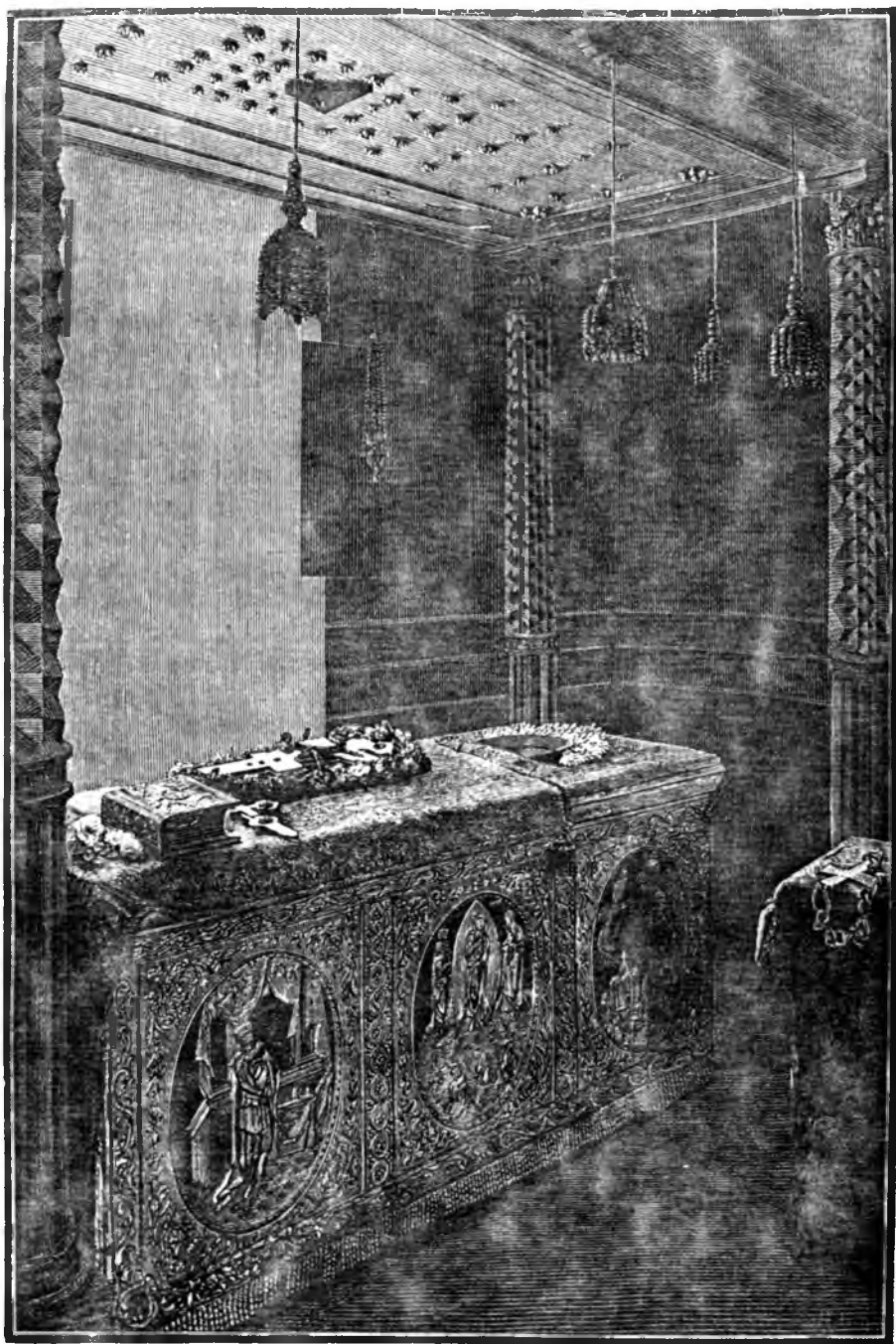
— Тамъ еще ѣдутъ... Въ деревняхъ народъ всполошился... Вѣдь гдѣ же его не знаютъ!.. Готовы бросить работу и ѣхать!..

Холодная церковь мигомъ наполнилась народомъ. Сдѣлалось не только жарко, а даже душно. Я едва пробрался въ алтарь. Около свѣчнаго ящика происходила такая давка, что я оставилъ всякую попытку—купить свѣчу и приобрести просфору. Протягивались десятки рукъ съ мѣдными и серебряными монетами и съ бумажками—записками... Просфоръ скоро не хватило. Некуда стало ставить и свѣчей.

Кончились часы, и началась обѣдня.

Служилъ тотъ же іеромонахъ, и служилъ съ чувствомъ, съ пріемами простеца и съ его же сердечностью и вѣрою. Пѣли положительно недурно. Послѣ обѣдни начался молебенъ, и его отправлялъ уже самъ настоятель. Его служба—строгая, истовая. Онъ читаетъ и дѣлаетъ возгласы выразительно; такъ служить нельзя, не участвуя душою.

Сейчасъ же послѣ молебна всѣ направились въ теплую церковь, гдѣ игуменъ отслужилъ молебенъ у раки угодника Іоасафа.

Рака и на ней крестъ съ мощами св. Іосафа въ Спасокаменномъ монастырѣ.

Рака святого серебряная, подъ балдахинѣмъ. Сбоку на стѣнѣ виситъ изображеніе Василия Юродиваго, стоящаго на камнѣ.

Церковь имѣетъ видъ широкой, но короткой комнаты, съ низкимъ потолкомъ. Изъ иконъ замѣчательна икона Божіей Матери «Утоли моя печали» въ ризѣ, осыпанной жемчугомъ. Она небольшого размѣра.

Возлѣ свѣчнаго ящика, на столѣ—вериги угодника.

Все время, пока служили молебенъ, раздавался звонъ цѣпей: это богомольцы по очереди надѣвали на себя вериги и обручъ съ крестообразной перетяжкой.

Въ теплой церкви два придѣла: въ честь Богоматери и во имя Николая Чудотворца. Въ первомъ придѣлѣ обращаетъ вниманіе образъ Успенія Богородицы. Среди апостоловъ стоитъ и Христосъ, какъ бы ожидающій исхода души Своей Матери.

На царскихъ вратахъ лѣваго придѣла изображено сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Я въ первый разъ встрѣчаю такое изображеніе на царскихъ вратахъ. Обыкновенно изображается Благовѣщеніе, лики евангелистовъ.

Иконостасъ въ теплой церкви не блещетъ богатой позолотой; онъ устроенъ, по словамъ художника, тѣми же московскими монахами, которые жили въ обители во время нашествія французовъ.

На боковыхъ стѣнахъ двѣ картины водяными красками: Христосъ на судѣ Пилата и Бичеваніе Христа...

— Богатства не видно,—замѣтилъ я художнику.

— Да... Вотъ видите хоругви-то.

Онѣ—изъ краснаго сукна, съ кожаными налѣпленными украшеніями, тисненными золотомъ.

Изъ теплой церкви можно пройти прямо въ покои игумена. Я думалъ, что молебномъ св. Іосафу все кончено. Но народъ и о. Павелъ направились еще куда-то. Я потерялъ художника изъ виду и обратился съ вопросомъ къ свѣчнику.

— А всѣ въ нижній храмъ пошли, батюшка,—отвѣтилъ монахъ... Внизу-то, въ холодной церкви... тамъ Василій Юродивый почиваетъ... Пожалуйте, я проведу васъ.

И онъ провелъ меня черезъ алтарь подъ арку на лѣстницу.

Нижняя перковь начинается широкимъ притворомъ, который переходитъ въ узкую длинную комнату съ совершенно голыми стѣнами и бѣднымъ иконостасомъ.

Здѣсь престолъ во имя трехъ московскихъ святителей — Петра, Алексія и Іоны, устроенный въ 1850 году. Въ западной части храма покоятся мощи Василия Юродиваго, подвизавшагося въ Спасокаменной обители. Московскимъ купцомъ, Колесовымъ, по происхожденію вологжаниномъ, устроена мѣдная, посеребренная и мѣстами позолоченная рака, искуснаго рисунка. Неизвѣстно, когда жилъ святой въ монастырѣ. Митрополитъ Евгеній въ своемъ спискѣ вологод-

скихъ угодниковъ только упоминаеть о Василии Юродивомъ, не обозначая времени его пребыванія въ обители, а также и года кончины. Но вотъ замѣчательный фактъ, о которомъ говоритъ вологодскій историкъ-археологъ Н. И. Суворовъ: въ пожаръ 1774 года, когда погорѣло внутри монастыря все, что могло сгорѣть, бывшая деревянная рака и образъ на ней угодника (Василія Юродиваго) остались неприкосновенными, хотя вся гробовая его палатка была наполнена дымомъ и пламенемъ.

Н. И. Суворовъ говоритъ въ своемъ очеркѣ, что въ южномъ отдѣленіи нижняго этажа находится гробница бывшаго настоятеля Кассіана, при которомъ постригся князь Іоасафъ. Я долженъ признаться, что не видѣлъ этой гробницы. Послѣ молебна у раки св. Василія Юродиваго я вышелъ изъ церкви за народомъ, а послѣ мнѣ никто не сказалъ о гробницѣ Кассіана.

На крыльцѣ сидѣла какая-то женщина, выражавшая знакомому старику въ крестьянской рубахѣ свое горе по поводу смерти дочери.

— И мѣста, мѣста не могу найти я съ того дня... вотъ такъ и сосеть сердечушко, словно кто сидитъ тамъ и сосеть... Плачу, плачу, и все не легче.

— А ты угодникамъ молилась?—спросилъ старикъ.

— Молилась, какъ не молиться... для чего и пріѣхала.

— Ну, вотъ!.. Они за насъ ходатаи... полегчаетъ!

— Ужъ на нихъ одна надежда... а то хоть сама умирай... жизнь не мила... Правда ли что онъ-то, батюшка, будетъ сюды?

— Слыхать... мы для этого пріѣхали...

Очевидно, рѣчь шла объ отцѣ Іоаннѣ.

— Ахъ, если бы!—промолвила баба, вздыхая.—Пала бы ему въ ножки... пусть помолится... Его молитва—не наши грѣшныя... Да и слова у него такія есть...

— Какія слова?—спросилъ мужикъ.

— А такія, стало... облегченье тебѣ будетъ... Отъ насъ женщина ходила къ нему...

— Ну-ну?

— Сколь лѣтъ маялась... какъ подкатится подъ сердце — и сосеть... хошь ты руки на себя налагай,—такая тоска смертельная... А какъ къ нему сходила, да онъ помолился и благословилъ ее — и прошло все... Отъ Бога, стало... отъ молитвы святой.

— Извѣстно, отъ Бога все да отъ молитвы... Наша-то молитва чѣ... нечистые люди, и молитва наша такая же... а тутъ его... стало, и доходливая...

— О, Господи!—замѣтила баба, вздохнувъ опять.

Подошелъ художникъ.

— Идемъ чай пить, да закусимъ... скоро вѣдь и «Кубина» будетъ, — сказалъ онъ.

Мы отправились опять въ покой настоятеля.

Приемная комната была полна народа. О. Павелъ, какъ радушный хозяинъ, угощалъ всѣхъ чаемъ и просилъ закусить «чѣмъ Богъ пошлетъ».

— А вотъ и «Кубина» идетъ! — сказали кто-то изъ сидѣвшихъ въ гостиной.

Заводскіе гости держались по провинціальному: женщины немножко жеманились, мужчины стѣснялись, тѣ и другіе говорили мало, ограничиваясь короткими отвѣтами...

«Кубина» приближалась къ острову. Намъ нужно было торопиться.

— А гдѣ же отецъ Павелъ?

— Онъ уже ушелъ на берегъ, — отвѣтилъ художникъ.

Когда пришли и мы на пристань, пароходъ уже присталъ. На немъ было много пассажировъ. Оказалось, что все это пріѣхали въ монастырь, чтобы увидѣть о. Іоанна. Ихъ всѣхъ ждало равночарованіе.

— Его вѣдь нѣтъ!..

— Еще, можетъ быть, будетъ! — сказалъ кто-то въ утѣшеніе.

— Подождемъ...

Поколебался и я: не остаться ли? А если неправда? Ждать надо до пятницы — долго, дѣла не позволяли жить столько дней въ монастырѣ.

Надо было проститься съ о. Павломъ.

— Гдѣ же онъ?

А онъ ужъ радушно встрѣчалъ новыхъ посѣтителей, улыбаясь имъ своей доброй улыбкой...

Раздался свистокъ...

— Идите, идите скорѣй, а то останетесь! — крикнулъ мнѣ адвокатъ съ палубы.

Я все-таки успѣлъ проститься съ игуменомъ, поблагодарить его за радушный приемъ.

— Мало пожили! Пріѣзжайте еще!..

— Убирай сходни!..

Я бѣгомъ кинулся къ пароходу и только что вошелъ на палубу, какъ заработала машина, и колеса забурлили воду... Пароходъ сталъ отчаливать. Головы всѣхъ пассажировъ, бывшихъ на немъ, обнажились. Крестьясь, мы прощались съ обителемъ.

Вѣтеръ все усиливался, волны высоко вздымались и пѣнились. Пароходъ, пока онъ при поворотѣ шелъ поперекъ волнъ, такъ качало, что нѣкоторые изъ пассажировъ попадали на своихъ мѣстахъ. Но затѣмъ качка уменьшилась, и пароходъ пошелъ впередъ, уже слегка подбрасываемый разгнѣванными волнами.

Едва мы отошли отъ острова, какъ вдали на встрѣчу намъ показался пароходикъ...

— Это о. Іоаннъ ѣдетъ! — выразилъ кто-то свою догадку.

Пассажиры заволновались, высыпали на палубу и стали пристально всматриваться. Пароходикъ приближался — и наше душевное **напря-**женіе росло. Но скоро ошибка была понята. Обозначился **паро-**ходъ, а за нимъ баржа.

Это шель буксирный пароходъ «Вологда».

Путь обратно уже не представлялъ прелести новизны... По случаю праздника на пристаняхъ и на берегахъ, гдѣ были деревни, — гуляли пестро разодѣтыя крестьянки...

Подошелъ ко мнѣ адвокатъ.

— Ну, что, помолились? — спросилъ онъ... — Довольны остались о. Павломъ?

— Да, онъ понравился... Простой, радушный человѣкъ.

— А монастырь? Не богатъ онъ, надо сказать.

— Да, очень. Нуждъ у него много.

— А средствъ мало... Древняя обитель, а нужду терпитъ... Есть, вѣдь, у толстосумовъ деньги... а жильничаютъ...

Вблизи насъ стоялъ старичекъ, котораго я не видалъ въ первую дорогу.

— Это ничего-съ, что бѣденъ, — сказалъ онъ: — богатство монастырей не въ деньгахъ, а въ свѣтѣ!.. И много денегъ, да коли не стало свѣта, и ничего-съ не стало... Знаете, поется св. Владиміру Равноапостольному: обрѣлъ еси безцѣнный бисеръ... Вотъ этого бисеру и надо обители, а не того, что копится въ кладовыхъ...

— Амины! — хотѣлось мнѣ сказать въ отвѣтъ, но я удержался изъ опасенія, что мои слова простой человѣкъ приметъ за кощунственную профанацію.

Александръ Кругловъ.

1897, іюнь.

